

Екатерина Мурашова

Забывший имя Луны

Анжелика и Кай

Екатерина Мурашова
Забывший имя Луны

«Автор»

Мурашова Е. В.

Забывший имя Луны / Е. В. Мурашова — «Автор»,
— (Анжелика и Кай)

Первый роман любовно-авантюрной трилогии «Анжелика и Кай». В центре – судьба Кешки-Кая, мальчика-сироты, одичавшего на севере нашей страны в результате стечения трагических обстоятельств. В разгар перестройки почти не умеющий разговаривать Кешка попадает в Петербург, пытается выжить и оказывается в самых разных местах – то среди бандитов, то среди живущих в сквоте художников... В его судьбе принимают участие Анжелика и ее подруги – женщины с детьми, также пытающиеся выжить и сохранить себя в меняющихся обстоятельствах. Волею судьбы сложилось так, что, возможно, потерявший память Кешка является единственным, кто знает, где находится пропавший в 1941 году бесценный крест Ефросинии Полоцкой и другие сокровища. В возвращении этих сокровищ заинтересованы бандиты, православная церковь, ФСБ. Все они начинают охоту за подростком...

© Мурашова Е. В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
(13 июля 1941 года, Могилев)	5
(Лето 1978 года, где-то в районе Кеми)	7
(Неизвестно где и когда)	9
Глава 1. Салат из кукурузы и крабовых палочек	10
Глава 2. Снежный мальчик	22
Глава 3. Свидание	26
Глава 4. Белка и Олег	33
Глава 5. Дети Перуна	47
Глава 6. Беломорский Маугли	52
Глава 7. Удивительное – рядом	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Екатерина Мурашова

Забывший имя Луны

Пролог

(13 июля 1941 года, Могилев)

– «Юнкерсы» летят! – сказал обкомовский шофер Федор и втянул прикрытую кепкой лысоватую голову в покатые плечи. – Я их, сволочей, вообще уже по звуку узнаю...

Шоссе было хорошее, гудронированное и машина неслась вперед с порядочной скоростью, мимо поставленных вдоль дороги в кюветах противотанковых орудий, которые издали казались кустами, так хорошо они были замаскированы. Прямо с шоссе в лес уходили недавно наезженные дороги. Мимо, обгоняя грузовик, пронеслась «эмка» с командиром-связистом, вся нагруженная капсюлями и гранатами.

– «Юнкерс» – серьезная машина, – невозмутимо подтвердил Кузьмич. – Против него нашим сладить тяжело.

– Чепуха это! – горячо возразил Федор, яростно крутя баранку. – Намедни наш летчик Терехин целое звено «юнкерсов» вообще уложил. А у него еще до того вообще пулемет отказал...

– А как же он их тогда? – удивился Кузьмич. – Безоружный-то? Заплевал, что ли?

– А в том-то и штука! – Федор оторвал от баранки клешнястую ладонь и назидательно поднял палец. – Мне самому лейтенант доподлинно разъяснил, так и я – вам. Дело было над аэродромом. «Юнкерсы», они, как всем известно, ходят плотным строем. Над ними в бою сошлись наши истребители и Ме-109. Немцы, стало быть, вообще держались на минимальной дистанции один от другого. Когда Терехин таранил одного, тот стал заваливаться на крыло и зацепил своего ведущего. Ведущий резко отвернул влево и столкнулся с левым ведомым. Так все головное звено «юнкерсов» и рухнуло... Все произошло вообще чуть не в один миг и сразу же в небе – шесть или семь парашютов. Кучно, группой уцелевшие фашисты снижались, а невдалеке от них, – Терехин. Причем для Терехина бой на том не кончился, потому что немцы открыли по нему стрельбу из пистолетов. Наш летчик отстреливался. Вся группа должна была приземлиться в нескольких километрах от аэродрома в поле. Строй бомбардировщиков, конечно, сломался: «юнкерсы» пошвыряли бомбы вообще как попало и ушли на запад.

– Ну, а Терехин-то этот что, живой остался? – не удержался Кузьмич.

– За Терехиным послали машину с бойцами, но раньше их туда подоспели колхозники. Они и помогли летчику обезоружить фашистов, связали их всех вместе одной длинной веревкой, а ее конец дали в руки Терехину. Так он и появился на КП дивизии – с пистолетом и одной руке и с веревкой, которой были связаны немцы, в другой. Причем старшим среди фрицев оказался вообще подполковник с двумя Железными крестами...

– Да, геройский малый, – кивнул Кузьмич и прислушался.

Оставшаяся где-то в километре позади, стояла батарея тяжелой корпусной артиллерии и с небольшими промежутками гвоздила куда-то на ту сторону Днепра.

Лев Шеин, сидя между Кузьмичом и Федором, почти не слушал их байки, которые они уже несколько часов травили для борьбы с подступающим изнутри и снаружи страхом. Выехали ранним утром из обкома партии – тяжелого двухэтажного здания, построенного в 1914 году в стиле псевдорусского классицизма. Над шатровой крышей занимался серый, под-

крашенный розовым заревом пожаров рассвет. По обоим берегам Днепра неумолчно рокотала рукотворная смертельная гроза. Забитые гвоздями ящики грузили в машину молча, почти не матерясь. Содержимое бронированного сейфа, оставшееся здесь с того времени, когда в здании помещался музей Пролетарской культуры, перемежалось документами обкома. Во всех взглядах и словах сквозила растерянность.

Уже на окраине города Льва поразила мельком увиденная сценка: ярко освещенное окно парикмахерской, человек сидит в кресле, плечи его накрыты белой салфеткой. Позади с ножницами стоит пожилой цирюльник... Неужели где-то еще осталась обычная человеческая жизнь?

– Как вы думаете, Лев Яковлевич, одолеем фашистов-то? – спросил сбоку Кузьмич.

– Непременно одолеем! – твердо сказал Лев и до боли сжал кулаки.

(Лето 1978 года, где-то в районе Кемь)

– Марья, пойдешь за меня замуж?

– Вы что, мужчина, с ума сошли?!.. Как вас хоть звать-то?

– Иваном звать. Гляди, как здорово сочетается – Иван да Марья. Так пойдешь?

Женщина с опаской улыбнулась бледной бегучей улыбкой и заелозила тряпкой по уже вытертому месту на столе. Перед мужчиной стояла толстая белая тарелка с нетронутыми синеватыми макаронами и оставшейся в одиночестве, уже надкусанной котлетой. Сбоку примостилась пожухшая ветка не то петрушки, не то папоротника – знак самомнения пожилого повара, который знал лучшие времена и для себя не иначе как «ресторацией» именовал забегаловку при вокзале крохотного северного городка, который весь – со своей единственной настоящей улицей, со всеми заработками и страстями – существовал при железной дороге.

Женщине на вид исполнилось уже тридцать лет, но вполне возможно, что на самом деле она была значительно моложе. Неумелый дешевый макияж достаточно маскировал нездоровье ее кожи, и одновременно скрывал миловидность незначительных, но вполне правильных северо-русских черт. Нужно было очень внимательно всмотреться, чтобы увидеть, что голубые, широко расставленные глаза вокзальной официантки, буфетчицы и obsługi «за все» смотрели в мир с неугасшей надеждой на какое-то неопределенное, даже в фантазиях не слишком представимое счастье. Совпало так, что мужчина умел всматриваться. И именно поэтому обратился к ней со своим неожиданным предложением.

– Откуда это вы знаете, мужчина, как меня зовут? – с попыткой продемонстрировать гордость и независимость спросила она.

– Слышал, как из кухни кликали, – с обескураживающей улыбкой ответил Иван.

Был он велик ростом и могуч статью, однако двигался весьма проворно, и даже на вид казался опасным. На севере, где почти каждый второй сидел, или был в бегах, или находился на поселении, подобные фигуры своим происхождением сомнений в общем-то не вызывали. Удивительно, что у Ивана на первый взгляд не было заметно татуировок, язык которых вокзальная официантка Марья умела читать ничуть не хуже, чем написанное в книге.

На самом деле Иван знал о Марье уже значительно больше сказанного. Пойманный на задворках столовой кухонный рабочий за рупь рассказал всю небогатую биографию женщины в самых цветистых подробностях – сирота с детства, растила тетка, которая в позапрошлом году скопытилась от водки. Сама Машка пьет мало, и путается не с кем попало, а с разбором. Был один серьезный ухажер лет пять назад, да его по пьяному делу на железке порезали и бросили под вагон. Там и помер. Машка чуть не с малолетства для заработка соседкам юбки из старых платьев шьет, и сама себя обшивает, и книжки даже на работе читает, но все глупые – про любовь. Повару говорит, что хочет ребенка родить, да не понять от кого, когда кругом одна пьянь да уголовники. Еще котов любит, уже трое при столовке ее стараниями привадились – такие наглые да вороватые, что спасу нет...

Все услышанное устраивало Ивана как нельзя более.

– Если согласная, так иди сейчас скажи начальнику, что увольняешься и айда – вещи собирать, – по деловому подошел к вопросу Иван. – Я тебе помогу, донести там, упаковать и все такое. Паспорт только не забудь, без него жениться нельзя. Потом билеты купим и поедем.

– Да куда поедем-то, Иван?! – женщина уронила тряпку, всплеснула руками и сразу, от радостного недоверчивого удивления, сделалась моложе, почти девочкой.

– Не знаю еще, – честно ответил мужчина. – Найдем место где-нибудь. Мир большой, не может такого быть, чтоб не нашлось места-то. Построим дом, заведем хозяйство, родим ребятшек. Деньги у меня есть, руки у нас с тобой тоже... А вот скажи, Марья, ты в Бога веришь?

– Не знаю, – женщина покачала головой. – Бабушка у меня, пока жила, верила, иконам молилась, огонечек такой махонький в уголочке жгла. А я – так только, слова отдельные помню, а потом – ничего такого мне не встречалось. Теперь вот тебя увидала, Иван, слова твои услышала, и уж сама не знаю...

– Не бойся ничего, Марья, – спокойно и убеждающе сказал Иван. – Я тебя не обижу. Водки я пью мало, да и во хмелю не буйный, а тихий, – сразу бревном спать ложусь. С бабами ласков, подарки люблю дарить. А как поженимся, другой бабы, кроме тебя, не будет. Все – тебе. В Бога я верю, здоровьем не обижен и работы никакой не боюсь...

– Ой, Ваня, – вздохнула Марья и прижала ладони к загоревшимся под пудрой щекам. – Хорошо бы, хорошо, да только ведь не бывает так в жизни-то нашей...

– Бывает, Марья, бывает, вот увидишь, – обнадежил мужчина и, поднявшись из-за стола, погладил женщину по голове большой и жесткой ладонью. Пойдем, Марья...

(Неизвестно где и когда)

Он сидел на самом краю замшелого, древнего как мир валуна и смотрел, как медленно погружается, точнее, растворяется в море иссиня красное солнце. Солнце и Луна на закате и на восходе непохожи сами на себя. Они меняют все: цвет, форму, размер, сам способ светиться и освещать. Он давно забыл имена небесных светил (хотя и помнил о том, что когда-то знал их), но само явление неизменно привлекало его внимание и, когда небо не было затянуто тучами, он редко пропускал закаты и восходы. Спал он в основном днем, как и большинство морских и лесных зверей.

Шершавая, подсохшая за лето и нагревшаяся за день корочка лишайников приятно щеко-тала кожу ног и предплечья, на которое он опирался, целиком погрузившись в созерцание одного из самых удивительных зрелищ своего мира: солнце, подобно куску красного жира, плавилось по нижнему краю и растекалось на поверхности моря, окрашивая треть горизонта в выморочный лиловый цвет, который, растворяясь в морской воде, причудливо и неожиданно мешался с весенней лиственной прозеленью. Он обернулся к сидящему рядом Другу, молчаливо призывая его разделить с ним восхищенное удивление ежедневно творящимся чудом. Друг равнодушно зевнул, обнажив великолепные, желтоватые у корней клыки, захлопнул челюсти с характерным клацаньем и, переступив передними лапами, улегся, положив лобастую голову на лапы и смежив глаза. Он шумно вздохнул, почти присвистнул и раскрошил в кулаке полусгнивший древесный обломок. Друг, при всем его уме и приспособленности к лесной жизни, не мог разделить с ним обуревавших его чувств. Не зная слов, но не потеряв способности ощущать, он весь дрожал от восхищения, удивления, любви, тревоги и еще чего-то, неопределенного, как запах весны и дыхание опасности. Чувство это было непонятным и безадресным, но необыкновенно сильным. Другу же было просто скучно и хотелось спать. То же самое, но со сменой ролей, происходило у них с запахами. Учувяв нечто волнующее, Друг дыбил шерсть на мощном загривке, влаивал и нетерпеливо царапал лапами землю, призывая бежать, догнать, поймать, исследовать. А он не чувствовал ничего, или почти ничего, и смотрел на Друга с растерянной беспомощностью, не понимая...

Но чаще они понимали друг друга, хотя принадлежали к разным народам, и разными были их способы восприятия мира, а также их интересы в нем. Они говорили на особом языке, выработанном ими исключительно для общения друг с другом. Он забыл язык своего собственного племени, хотя во сне до сих пор иногда разговаривал на нем. Друг помнил или врожденно знал язык своих сородичей, но глотка его товарища не была приспособлена для подобных звуков. Много раз он пытался выучить и воспроизвести Зимние Песни Друга, потому что они нравились ему, но всегда терпел неудачу, и Друг смеялся над ним, презрительно опуская углы черных губ. Их общий язык состоял в основном из мимики и жестов, хотя отсутствие хвоста у одного из них часто мешало пониманию и вызывало удивление у обоих. Внутренний огонь, зажженный в нем пламенем заката, требовал выхода. Он соскочил с валуна и молча закружился вокруг своей оси, стоя на одной ноге, притопывая другой и ритмично взмахивая руками. Лишайники с хрустом крошились под его ступнями, вывернутый мох обнажал свой беловато-коричневый подшерсток. Друг лениво приоткрыл один глаз и снова закрыл, не обнаружив ничего необычного. Любой сторонний наблюдатель наверняка нашел бы зрелище одинокого закатного танца пронзительным и даже жутковатым. Но сторонних наблюдателей не было...

Глава 1. Салат из кукурузы и крабовых палочек (Анжелика Андреевна, 1996 год)

Говорят, что чувство радости жизни не зависит от календарного возраста.

Возможно.

А вот извольте-ка, часиков в двенадцать ночи подойти к телефону и, тихонько по при-толке сползая, понять, что НЕКУДА звонить и НЕКОМУ, и, главное, это уже навсегда и не изменится ни-ко-гда, и незачем пудрить нос и собственные мозги, потому что чудеса, разуме-ется, бывают и случаются, но где-то на иных широтах, а у нас все больше селедка с луком, и махровое полотенце с петушком на крючке в ванной, а за газовой колонкой сплел паутину паук, и надо бы ее, паутину, смести, но все как-то жалко, потому что старался же, бедолага, хотя совершенно непонятно, кого он, в сущности, за этой самой газовой колонкой ест.

* * *

Сегодня мне исполняется тридцать пять лет. Сегодня день рождения у меня. И ничего. Ничего. Ни-че-го, черт меня раздери совсем! (последняя фраза исполняется в маршевом ритме, можно в такт прихлопывать крышкой от кастрюли. Только не сильно, иначе эмаль отва-лится.)

То есть, в субботу, как всегда, придут, конечно, все мои тетки в полном составе, с мужьями (у кого сохранились), с детьми (кто завел), и будут тосты за здоровье, салаттики – традиционный «оливье» и новомодный из кукурузы, ленкины маринованные кабачки и белые грибочки от иркиного мужа, и все скопом опять будут следить, чтобы Володя не напился, а Никитка не бил Мишку, а Леночка-маленькая, как всегда, будет на всех ябедничать...

У-у-у! Так бы и завyla волком. Только все равно ведь не поможет – вой, не вой – не услышит никто. Надоело обманывать себя. Пора, наконец, взглянуть правде в глаза. Ничего не сбылось. Ничего не сложилось. И ничего не сбудется уже никогда. В чем моя ошибка? Где промахнулась, где поставила не на ту карту? Нет ответа.

Ни-че-го. Ничего из того, о чем мечталось в дымной юности, ничего из розовых приду-мок, которые поверяла лишь подушке, не доверяя даже пухлому девичьему дневнику. Ничего. Может быть, обманываю себя? Может быть, жизнь сложилась именно так, как надо, и только сейчас, в минуту депрессии, перечеркнула все, готовая плакаться всему белому свету о своей несчастной доле-долюшке?

Господи, как глупо и как слюняво. Дешевый дамский роман в затертой нервическими сальными пальчиками обложке. Недостойно, Анжелика Андреевна. Недостойно?!

Обыкновенная бабская истерика. Кризис середины жизни – так это психологи называют. Все нормально, главное – никого не грузить своими проблемами.

* * *

Был муж. И четыре года замужней жизни. Фамилия его была Карасев, и сам он был похож на средних размеров травоядную рыбину. Наверное, как-то по-своему он меня любил. И даже, кажется, говорил мне об этом. Я не помню. Когда мы расписывались, я отказалась взять его фамилию. Он обиделся. И сказал, сдержанно изображая оскорбленное достоинство: «Я пола-гал, что у супругов должны быть одинаковые фамилии...» – «Ну что же, возьми мою. Я не

против,» – откликнулась я, и иногда мне кажется, что именно с этой минуты наш брак был обречен на неудачу.

В постели он тоже был похож на рыбу. И при этом прилежно читал Камасутру и «Ветви персика». От его попыток применить теорию на практике у меня начиналась либо смеховая истерика, либо страшнейшая мигрень. Во время любовных игр он страшно сопел и закатывал глаза, так, что зрачки скрывались под веками.

Зачем я пошла за него? Не знаю точно, но любая из гипотез не красит меня как личность. Пора замуж... Надежный человек... Любит тебя... Сколько можно «принца» ждать... – все это было предательством, не стоит обманывать и выгораживать себя, рядить собственную трусость и мелочность в идейные одежды. Я предала себя и заодно ни в чем не повинного Карасева.

Я всю жизнь считала копейки, рубли. Экономила, откладывала себе на обновку, на поездку летом. Считала это естественным – все вокруг поступали также. Но когда мы считали перестроечные сотни и тысячи вместе с Карасевым – почему-то чувствовала себя униженной и растоптанной. Карасев не был особенно скупым. Он, как и я, был просто бережлив и расчетлив, но моя бережливость, отраженная в его, мужской, ипостаси, доводила меня до бешенства.

Сначала он во всем соглашался со мной, выносил ведро, чистил картошку, покупал билеты на невыносимо скучные фильмы и концерты, познакомил меня со своими друзьями из КБ. Почему-то все они казались мне похожими на ожившие овощи. Их традиционное застолье напоминало грядку: вот здесь сидит малиновошей свекл со своей аккуратной репкой, здесь – болезненно зеленокожий парниковый огурец, здесь – пара надутых помидоров, а тут – целое семейство лежалой зимней картошки... Я рассказала Карасеву о своих ассоциациях, и это, конечно, было ошибкой – он страшно обиделся за своих друзей, и стал ходить на праздники один. Я испытала откровенное облегчение.

Потом потихоньку ему все это надоело, и Карасев начал протестовать, поддерживая свою храбрость чем-нибудь спиртным.

Скандалы от Карасева были еще более скучными, чем его любовь. В них не было ни остроты, ни подлинной страсти, а в его оскорблениях, также, как и в комплиментах, не сквозил блеск ума – одна лишь унылая безнадежность. Наш брак не имел никакой перспективы, и как только это стало ясно нам обоим, мы расстались. На прощание Карасев попытался отсудить у меня комнату (до женитьбы он жил с матерью в коммуналке на Васильевском), но я довольно быстро и энергично расставила точки над «и», и он убрался восвояси – с тем же самым потертым чемоданом, с которым четыре года назад вселился на площадь молодой жены.

Говорят, что дети – это счастье. Не зна-аю... Года два назад мне вдруг так захотелось иметь ребенка, что я ревела ночами, грызла подушку и готова была лечь под любого, лишь бы удовлетворить эту возникшую в виде навязчивого бреда потребность. Я отворачивалась, увидев детские коляски, тянулась, чтобы потрогать любого малыша, который находился в пределах досягаемости, и однажды в течении часа серьезно размышляла о том, что можно было бы украсть цыганского ребеночка, выдать его за подкидыша и усыновить. Такие вещи, да еще так внезапно – это всегда следствие каких-то физиологических процессов. Умом я это понимала, но ничего не могла с собой поделать.

Мой тогдашний партнер был аккуратен и гигиеничен, как подготовленная к приему пациента операционная. Я попробовала поговорить с ним на интересующую меня тему. Единственным результатом было то, что он попросту перестал мне звонить. Я дошла до такого состояния, что готова была снова взять в переплет Карасева (почему-то я была уверена в том, что смогу его уговорить), но мысль о том, что в результате может получиться маленький Карасев, от которого мне уже будет никуда не деться, гасила даже самые мощные физиологические импульсы.

А потом вдруг все прошло. Так же внезапно, как и началось. К добру это или к худу? Не знаю.

У большинства моих подруг есть дети. Ирка родила Никитку по большой любви. Я хорошо помню эту любовь, которую звали Жорой. Красавец, болтун, прекрасно играл на гитаре и проникновенно пел блатные песни. Сглазил сам себя. В тюрьму залетел по дури, из-за какой-то там несостыковки лихорадящих перестроечных законов. Не пришелся ко двору, получил ножом в живот и умер в тюремной больнице от перитонита. Ирка узнала о его печальной судьбе случайно, потому что к тому времени уже давно воспитывала Никитку одна и снова собиралась замуж. Теперь Никитка подрос. Красавец, болтун, прекрасно играет на гитаре... курит, ругается матом, прогуливает школу, недавно вместе с пацанами напал на подвыпившего прохожего... Отпустили по малолетству, поставили на учет... Отчим пытался влиять, бить, Ирка бросалась грудью. Муж отступился, пустил все на самотек, стал свою воспитательскую несостоятельность заливать водкой. Начались скандалы, на маленькую Люську никто из родителей внимания не обращает. Никитка заставляет ее кланяться у отца деньги, якобы на конфеты, а потом отбирает и покупает сигареты, естественно, себе.

Любаша родила Мишку в тишине и покое. Цветы, шампанское, голубые ленточки... Потом диатез, бессонные ночи, ложный круп, астматический компонент, бронхиальная астма, гормоны, барокамеры, неотложки... Муж под шумок куда-то потерялся, Любаша этого даже не заметила, потому что боролась за Мишку. До сих пор борется. Вроде бы кое-какие победы наметились... тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!

Зато у Ленки у нашей – тишь, гладь, божья благодать! Все рядком, ладком, и Леночка-маленькая – ангелочек с пасхальной открытки. Все чистенько, аккуратненько, все оборочки накрахмалены, придет в комнату и говорит ангельским своим голосочком: «Ой, тетя Анджа, а что я вам скажу! А Никитка Мишеньку опять за волосы таскал! А Мишенька сам два раза розу на торте лизал и еще один раз Люсе давал!...»

Так бы и стукнула чем-нибудь тяжелым, честное слово! Нехорошо это, понимаю, так к ребенку относиться, но ничего с собой поделать не могу. И мужа Ленкиного, демократа накрахмаленного, тоже на дух не переносу. Грешна, Господи!

Несомненную пикантность ленкиной семейной ситуации придает то, что она вместе с мужем заканчивала юридический, и нынче работает по специальности, но не нотариусом в конторе, как следовало бы ожидать, а в ментовке – инспектором по делам несовершеннолетних. Демократ уже много лет прозрачно намекает и мягко настаивает, с возможной для него страстностью желая, чтобы Ленка поменяла свою непрестижную и нервную работу на что-нибудь более цивильное, но Ленка стоит насмерть. За что я ее уважаю. И за то, что она поддерживает Ирку, и вместе с ней борется за Никитку. Пользуясь своим служебным положением, регулярно вызывает его в казенный дом, всячески запугивает и убеждает, чтобы он хотя бы девять классов окончил и хоть какую специальность получил. Блажен, кто верует...

Если бы кто это читал, так наверняка решил бы, что у самой у меня детей нет, вот я всех тонкостей и не понимаю. Ни черта подобного – есть! Зовут Антониной, 14 лет недавно исполнилось. Из 180 сантиметров полтора метра – это ноги, еще тридцать сантиметров – бюст. Головы нет совсем, шевелюра растет прямо из пустоты. Оттуда же – глазищи смотрят. Большие, прозрачные, не замутненные никакой мыслью, сквозь затылок окружающая среда видна.

Мой, так сказать, грех молодости. Студенческих еще лет. Сначала казалось, все будет как у людей, потом не сложилось как-то. Антонина мне на память осталась. Он, отец-то Антонин, хороший человек, творческий. И давно уехал на постоянное местожительство в другую страну. Но не туда, куда вы подумали, а в Мексику. Археолог он, ищет там какие-то древние цивилизации. Идеи у него есть, гипотезы. Интересные в общем-то и уж во всяком случае – перспективные. Когда-то я на это именно и купилась. Костры, палатки, экспедиции и – мечты, мечты, мечты... Изменить представления человечества о собственной истории, как в древности свести воедино разные науки, философию и религию, новый виток спирали – не больше, но и не меньше. И мы, естественно, на гребне. Рука об руку, само собой...

Он мне до сих пор все свои научные труды присылает. Заказной бандеролью. Когда на английском, когда на испанском. Без перевода. Ему-то языки всегда хорошо давались. А мне плохо, да еще и подзабыла за много-то лет. Потому трудов не понимаю, но над бандеролями всегда плачу светлыми слезами. И Антонине демонстрирую. Чтоб гордилась. А марки соседский мальчишка Вовка всегда забирает. Красивые марки в Мексике, слов нет. Вовка бандероли эти еще в почтовом ящике как-то укарауливает, через дырочки, наверное, а потом Антонину на лестнице ловит и канючит:

– Тонь, а Тонь, ты матери скажи, чтоб конверт не выбрасывала, а? Ты ведь скажи, да, а то она вдруг забудет... Ей же не надо, да? И тебе ведь не надо... А мне знаешь, как надо! Тонь, а Тонь...

В этом месте Антонина обычно не выдерживает, врывается обратно в квартиру, вытряхивает из конверта глянцевого скользкий журнал, а сам конверт швыряет в полураскрытую дверь, где в полутьме площадки хищно поблескивают Вовкины коллекционерские глазки.

* * *

В четверг вечером позвонила Любаша. Минут пять говорила о чем-то незначущем, спросила о здоровье матери и почему-то Антонины, а потом, смутившись, осведомилась:

– Ты как, Анджа, если я к тебе в субботу не одна приду, а? Ничего? То есть я имею в виду не с Мишкой, то есть, Мишка тоже будет, конечно, но я хотела сказать... – тут она окончательно запуталась и замолчала, тоненько сопя в трубку.

– Господи, Любаша, об чем разговор! – с фальшивым воодушевлением воскликнула я. – Разумеется, приходи! Давно пора тебе перестать киснуть и Мишке температуру мерить. Парень скоро в армию пойдет, а ты ему все пеленки менять готова!

– Зачем ты так, Анджа?! – дрогнувшим голосом сказала Любаша после секундной паузы. – Ты же знаешь, что в армии сейчас... А Мишка, он такой... Если бы у тебя сын был, а не дочь, ты бы так не говорила... – в голосе ее явно послышались слезы.

Я испугалась.

– Ну прости, Любаша, прости, – торопливо пробормотала я, подумав про себя, что в последнее время, действительно, становлюсь какой-то неприятно черствой и оттого бестактной. – Я не хотела... Я действительно обрадовалась за тебя, честное слово, и сморозила, не подумав... – напропалую врала я. На самом деле мне вовсе не улыбалось принимать у себя на совершенно домашнем дне рождения незнакомого мужика, который, к тому же...

– Да нет, Анджа, я не сержусь, – быстро возразила добрая Любаша, тут же поверив в искренность моего раскаяния. – Это просто я сама такая нервная...

– Слушай, Любаша, – перевела я разговор. – А этот кто-то, тот, с которым ты будешь, он вообще-то знает, куда идет? Скучная вечеринка немолодых теток, с детьми, мужьями, домашними огурцами и даже без танцев...

– Знает, знает!

– И что же он по этому поводу сказал?

– Сказал, что почтет за честь.

– Так и сказал? Интере-есно, – изумленно протянула я. Изумление было совершенно искренним.

Первыми, как всегда, явились Ирка с Володей. Володя волок сумку с двумя трехлитровыми банками домашних солений. Еще по одной литровой банке принесли дети в мешках со сменной обувью. Кроме этого, Никитка нес под мышкой какой-то непонятный сверток. В Иркиной сумочке лежали фартук, подарок и пудреница. Компакт пудра в пудренице вытерлась посередине еще к прошлому дню рождения, но Ирка из экономии не покупала новую, пока

в старой еще по краям остается. Компакт пудра была темно-коричневой. Когда Ирка ей пользовалась, то становилась похожей на индейскую скво. Ирка наскоро чмокнула меня в щеку, сунула подарок (неизменные колготки, весьма, впрочем, качественные и дорогие), и прошмыгнула на кухню, где живо обвязалась принесенным фартуком и начала хозяйствовать.

– Где у тебя соль? – то и дело слышалось оттуда. – А кардамон у тебя есть? А как же тесто без кардамона? Вова, вот сюда банку поставь. И открой, естественно. Что, самому-то не догадаться?! А салат почему не украшен? Ну и что, что не успевала? А Тоня у тебя на что? Раз в год все должно быть красиво!

Антонина хищным взглядом отметила проследовавшие в бельевой шкаф дорогие колготки и на удивление покорно принялась за выполнение поручений. Иркина вихревая хозяйственная активность всегда слегка пугала мою флегматичную дочь и делала ее тупой и покладистой.

Никитка тут же уселся смотреть телевизор, а Люся где-то затихорилась, вроде бы в ванной. Наверное, Антонина опять что-то для нее припасла. Из всех детей моих подруг Антонина благоволила только к тихой болезненной Люсе и по собственной инициативе передарила ей почти все свои игрушки. Теперь баловала обновлениями, тем, из чего сама выросла. Меня данная симпатия в основном радовала, ибо намекала на то, что у моей дочери имеются какие-то чувства к обыкновенным смертным людям, не относящимся к числу популярных певцов, артистов и диджеев.

Потом пришли две учительницы-разведенки из моей школы, одна с сынишкой Виталиком, потом университетская подруга Светка со своим третьим мужем. Ровно к назначенному сроку, тик в тик, явилось Ленкино семейство.

– Точность – вежливость королей! – заявил на пороге Ленкин муж, убирая в жилетный карман внушительный хронометр. Я всегда удивлялась, как можно не помнить о том, что в прошлом и позапрошлом году он говорил то же самое. Голосом, внешностью и манерами Ленкин муж явно стремился изобразить из себя что-то чеховское. И у него получалось, правда, касалось это не самого Антон Палыча, а его героев. «Пава, изобрази!» За глаза я звала Ленкиного мужа Демократом, и вкладывала в это слово какой-то мне самой не до конца ясный ругательный смысл.

Любаша с заявленным кавалером явились последними, когда все уже сидели за полностью заряженным столом и постепенно начинали раздражаться.

Рассмотреть кавалера в тесном полутемном коридоре мне практически не удалось. Так, что-то невзрачное, чернявенькое. К тому же он сразу вручил мне букет из пяти здоровенных гербер, которые выглядели совершенно пластмассовыми, но при этом вели себя как абсолютно живые змеи, извивались холодными скользкими стеблями, кивали тяжелыми разноцветными венчиками и закрывали тот именно сектор обзора, который интересовал меня в данную минуту. Кавалер принес с собой домашние тапочки и маленькую бледно зеленую расчесочку. Аккуратно пристроив под вешалкой туфли, он закрутил головой в поисках зеркала. Зеркало у меня в прихожей раньше водилось, как и во всех приличных домах, но Антонина не могла пройти мимо него и по пятнадцать минут в разных направлениях расчесывала свою действительно могучую шевелюру. В результате – два дня из трех опаздывала в школу. Пришлось зеркало перевесить в мою комнату. Там перед ним, да еще в моем присутствии долго не повертишься.

Я собиралась уже извиниться перед гостем, но тут Любаша, наконец, сориентировалась и решила представить нас друг другу.

– Познакомься, Анджа, это – Вадим. Мы с ним раньше вместе работали. Когда я после института пришла, он надо мной шефствовал, учил меня всему...

– Очень приятно. Анжелика Андреевна, можно просто Анджа, – сказала я, протягивая руку Вадиму и делая первые выводы. Любаша по-прежнему киснет в своем проектном инсти-

туте, по полгода не получая зарплаты, голодая, но не решаясь стронуться с места. Следовательно, раз с Вадимом они работали *раньше*, он теперь трудится где-то в другом месте. Это, несомненно, хорошо, потому что семья из двух безработных инженеров...

Вместо того, чтобы пожать мне руку, Вадим церемонно поднес ее к губам и поцеловал. Вторую руку с расчесочкой он при этом спрятал за спину. Я улыбнулась. Любаше должны импонировать такие манеры – это безусловно.

Потом мы все прошли в комнату, причем Вадим вежливо пропустил дам вперед, а сам торопливо провел-таки по волосам расчесочкой и пригладил их руками. За время нашего отсутствия Ирка почему-то переместила гостей и освободила место для Любаши и Вадима рядом со мной. Сидя рядом с Вадимом, я опять-таки лишалась возможности его рассмотреть, так как поворачиваться и смотреть на человека в упор все-таки неприлично.

После второго тоста, провозглашенного Володей за родителей, разговор стал общим и бестолковым. Ирка громкогласно рассказывала учительнице географии о верном народном средстве для лечения геморроя. Володя и третий Светкин муж пытались через головы дам обсудить политику очередного правительства. Миша меланхолично выедал оливки из салатных украшений. Никитка заставил Люсю принести ему плеер из куртки в прихожей, украдкой поместил его под столом на колени, сунул в уши наушники и теперь пил пепси-колу, заедая ее копченой колбасой, и улыбался блаженной улыбкой дебила. Герберы извивались в широкой вазе и норовили нырнуть головами в какой-нибудь салат.

Я хлебосольно уговаривала гостей кушать побольше, обращала их внимание на отдельные блюда, отвечала на какие-то вопросы, сама что-то спрашивала, и как всегда в таких случаях, где-то в глубине меня нарастало чувство вопиющей никчемности и бессмысленности всего происходящего. Что здесь происходит? Почему здесь сидят все эти люди? Что я сама здесь делаю?!

Так принято, – привычно успокаивала я себя. – У людей должны быть праздники. Даже если ты сама не видишь в этом никакого смысла, то ты вполне можешь делать это для своих друзей. Они собираются, радуются этому, желают тебе добра. Это ритуал. Так было всегда и это правильно...

Чтобы отвлечься от неправильных мыслей, я исподтишка наблюдала за Любашей и Вадимом. И то, что я видела, мне определенно не нравилось. Вадим говорил с Любашей и обращался с ней просто и без подтекста, так, как общаются со старыми добрыми товарищами, с которыми многое перевидано и пережито. Но никакой нежности, и уж тем более эротичности или сексуальности в их отношениях не было заметно. Скрывают? Но зачем? Да такое и не скроешь. Оно либо есть, либо нет. Чтобы это скрыть, нужно сидеть в разных комнатах. А на соседних стульях, когда вокруг все галдят, каждый слушает только себя, никто ни на кого не обращает внимания, да и вообще все люди взрослые, и все (включая детей) всё понимают...

Не нравилось мне все это. И обидно было за Любашу. Действительно старый товарищ, сослуживец? Но тогда зачем он сюда пришел? Или, может быть, я все усложняю, и в их отношениях и не должно быть ничего... этакое? Может быть, я просто безнадежно устарела или, наоборот, безнадежно «молода душой»? Два одиноких, немолодых уже человека (Вадим старше Любаши лет на семь), бывшие сослуживцы, прекрасно понимают друг друга, имеют общие воспоминания, связаны взаимным уважением и симпатией... Что еще надо для полноценной семейной жизни, когда все костры уже отгорели и остались лишь вонючие угли, да тоненькая струйка дыма сомнительного происхождения...

Нет, сегодня меня определенно тянет на что-то слянявое, застенчиво выползающее из-под пестрой обложки дамского романа! К чему бы это?

Иногда Вадим обращался ко мне, пытался втянуть меня в разговор. Я уворачивалась как могла (от разговоров «об умном» меня тошнило уже много лет), но тут почему-то, словно

восприняв неслышную для меня команду, подключались Ирка с Ленкой и даже Демократ с Володей.

– Анджа у нас нынче историк и педагог, – ворковала Ленка. – А еще у нее университетское биологическое образование, и психологией она очень серьезно интересуется. Поэтому видит мир, не как мы, грешные, в единой плоскости, в разрезе, а так сказать, во временном объеме. Ее так интересно слушать!

– Вы знаете, я совершенно согласен с супругой, – солидно вступал Демократ. – Иногда знание исторических параллелей действительно дает очень много для понимания событий сегодняшнего момента...

– Вы знаете, Анжелика Андреевна... то есть, Анджа, – напряглся в комплименте вежливый Вадим, видимо сторожась филологически диковинного сокращения моего имени. – А ведь даже в вашей внешности есть что-то такое из древнерусской истории...

Опоздал, бедняга! Еще с отрочества я знала, что в чертах моей физиономии действительно есть нечто, совпадающее с канонами византийской и древнерусской иконописи – широкий лоб, чересчур высокие скулы, слишком длинный нос, округлые глаза, тяжелый, словно обвиняющий взгляд... Впервые это сходство заметила какая-то немка в древнерусских залах Русского Музея. Где-то на излете детства я очень любила одна ходить в Русский Музей. К живописи в целом я всегда была равнодушна, но три картины – «Заросший пруд», «Московский дворик» и особенно «Лунная ночь в Петербурге» просто приковывали меня к себе. Я могла часами стоять перед ними, практически переселяясь в их неспешное, светло печальное пространство, и даже иногда плакала от бессилия и злости, не умея объяснить для себя (или кого-нибудь другого) секрет их колдовской притягательности.

Древнерусскую иконопись я не любила и даже боялась. Все эти темнеющие или, наоборот, сверкающие серебром и позолотой лики казались мне совершенно неуместными в светлых залах музея. Этого же мнения – иконы должны находиться в церкви – я придерживаюсь и сейчас. Поэтому залы с иконами я всегда пробегала с большой скоростью. Но как-то раз задержалась, чтобы прочесть табличку, любопытствуя, помнится, мужчина или женщина изображены на данной иконе. Рядом галдела и порывивала экскурсионная группа крупнозубых, длинноногих немцев. Вдруг одна из немок схватила меня за руку и торопясь, пока я не вырвалась (я прилагала к этому все усилия, но немка держала меня крепко, и ее красная, в пупырышках рука напоминала мне клешню огромного рака-омара, которого я когда-то видела в Елисеевском магазине), затараторила что-то, обращаясь к переводчику. Все другие немцы тут же принялись разглядывать меня, как какую-то заморскую диковинку, а экскурсовод, улыбаясь, объяснил мне, что иностранные гости видят необыкновенное сходство между мной и заинтересовавшей меня иконой и просят разрешения сфотографировать меня вместе с ней. Я, пожав плечами, разрешение дала, немцы поставили меня рядом с иконой, защелкали фотоаппаратами, восхищаясь, по словам экскурсовода, тем, что я и смотрю точь в точь как она (икона), а потом щедрой горстью отсыпали мне жвачек, шариковых ручек и каких-то треугольных вымпелочков, и даже просили записать мой адрес, чтобы потом прислать фотографию. Адреса я им, естественно, не дала, а все добро, в знак пионерского презрения к международному империализму, высыпала в урну на углу, но потом жалела, так как подумала о том, что немцы-то вполне могли оказаться из ГДР, а следовательно, вполне идеологически дружественными.

Кроме того, Олег, отец Антонины, учился на истфаке, и все шутки, комплименты и прочие приколы его и его друзей на тему моей «древнерусской» внешности осточертели мне еще курсе на третьем. Так что Вадим со своим комплиментом опоздал лет этак на десять-пятнадцать.

Но мои подруженьки не унимались.

– Вадим Храбрый... – Ирка закатила неумело подведенные глаза. – Вадим ведь был руководитель восстания в Новгороде, правда? Какие были люди...

– Михаил Юрьевич Лермонтов посвятил этому восстанию поэму, которая так и называется «Вадим», – вставил Демократ.

– Да, да, верно, милый, – чирикнула Ленка. – Я ее очень любила в детстве, а сейчас все-все забыла... История – это так интересно. Из теперешних дней все кажется таким масштабным. События, люди...

– «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя!» – не удержался Володя.

Я разозлилась не на шутку. Сама по себе проблема была вечной и не решаемой. Почему-то мои подружки считали, что мне, преподавателю истории, должны нравиться разговоры на исторические темы. Как я ни пыталась объяснить им, что врач гинеколог вовсе не обязательно любит на досуге поговорить об объектах своей трудовой деятельности, они намеков упорно не понимали. Обычно я с этим мирилась. Но сейчас! Как они смеют! Они что, забыли про Любашу?!

– Посвященная Новгородскому восстанию поэма Лермонтова называется «Последний сын вольности», – отчеканила я. – Его же незаконченная поэма «Вадим» не имеет к Вадиму Храброму никакого отношения. Это восстание было разгромлено Рюриком, а само имя Вадим в переводе означает «сеющий смуту и беспокойство».

После моей отповеди в воздухе повисло тревожное молчание. Даже трехлетний Виталик перестал ныть и затих на коленях у матери. Демократ набрал воздуху в широкую грудь, чтобы сотрясти его (воздух) очередной глубокомысленной белибердой, но Ирка опередила его, попыталась вытереть вспотевшие ладони об отсутствующий передник и, тревожно блеснув глазами, воскликнула:

– Давайте танцевать!

– Как танцевать?! – изумилась я. – Ты же знаешь, у меня магнитофона нет. Только у Антонины плеер, но под него же нельзя... А проигрыватель я сто лет не заводила...

– Мы принесли магнитофон. И кассеты, – торжествующе сказала Ирка. – Никитка, тащи!

Никитка шустро притащил тот самый загадочный сверток, подключил и наладил магнитофон и по команде Ирки включил какую-то довольно приятную для слуха мелодию.

Напряжение сразу уменьшилось до едва осязаемого, а я отдала должное Иркиной предусмотрительности. Значит, она все-таки по своему позаботилась о Любаше. Вот, магнитофон принесла, хотя никаких танцев у нас на днях рождения не водилось.

Сама Ирка тут же, воспользовавшись случаем, потащила на кухню стопку грязной посуды. Володя неуклюже склонился передо мной. Вадим, естественно, пригласил Любашу, а третий Светкин муж – одну из разведенек. Демократ налил себе пепси-колы и делал вид, что его все это не касается.

Любаша и Вадим хорошо смотрелись вместе. Гармонично подобраны по росту, телосложению и вообще... Она невысокая, хрупкая, единственная из нас всех сохранила девичью фигуру, не оплыла, а наоборот, как бы даже подсохла. В юности Любаша занималась бальными танцами, мы бегали в ДК Газа смотреть ее показательные выступления и весьма небелой завистью завидовали эльфийской грациозности подруги. Сейчас она все еще танцевала заметно лучше остальных. Впрочем, Вадим тоже танцевал неплохо. Не то, что Володя, который уже к середине танца безнадежно оттоптал мне все ноги.

– Еще раз наступишь, Ирке пожалуюсь, – нежно прошептала я в мохнатое Володино ухо. – Скажу, что пока она в кухню ходила, ты себе в пепси-колу перцовки налил...

– Анджа, да ты чего... – шмелем загудел Володя. – Я ж еще перед летом подшил. Я ж теперь ни-ни...

– Ну, ты у нас как подшил, так и расшил, – ухмыльнулась я. – Думаешь, мне Ирка не рассказывала, как ты этот самый «эспераль» стамеской у себя из задницы выковыривал...

– Ну, Анджа, ну ты меня прямо в краску вгоняешь. Я же нечаянно тебе на ноги наступаю, от волнения, в эротическом, можно сказать, смысле...

– Ну вот и я про задницу в эротическом смысле, – хохотнула я. Мы с Володей всегда понимали друг друга, но танцевать с ним было сущим мучением, и, когда танец закончился, я вздохнула с облегчением.

Антонина принесла из комнаты и поставила кассету с моим любимым Джо Дассеном. Володя завис над Любашей (я мимолетно испугалась за ее хрупкость, но потом понадеялась на то, что мастерство всегда выше грубой силы). Вадим, откровенно поколебавшись, пригласил меня.

Если бы он танцевал молча, я, несомненно, получила бы удовольствие. Джо Дассен, три бокала вина, танцевал Вадим действительно хорошо и... Впрочем, мы с Вадимом со стороны смотрелись явно хуже, чем он же с Любашей. Вообще-то он, наверное, был слегка выше меня, но даже небольшие каблучки моих лодочек полностью уравнивали нас, и глаза смотрели прямо в глаза, создавая неизбежную ситуацию поединка. Где-то там в жизни, наверное, все равно, но в танце, особенно медленном и лирическом, женщина должна смотреть на мужчину снизу вверх. Хотя, повторюсь, если бы Вадим молчал, все это не имело бы значения...

Но он говорил. И явно старался произвести на меня впечатление. Это убивало все удовольствие наповал. Он поведал мне, что с детства его увлекали тайны истории. И что мальчишкой он мечтал повторить и превзойти подвиги Хейердала. И что однажды они с приятелем накопили сухарей и решили бежать во Вьетнам помогать вьетнамским патриотам. В последний момент приятель сдрейфил и Вадим бежал один, но его почти сразу же сняли с поезда и сдали сначала вокзальной милиции, а потом родителям. Отец, когда узнал о цели побега, ругать сына не стал, но посоветовал внимательно поразмыслить о том, какую именно пользу хилый, малограмотный, косорукий, не знающий языков Вадим мог бы принести вьетнамским патриотам, сражающимся с американской военщиной.

Не знаю, с какой целью мужчина может рассказывать такое женщине, которую видит в первый раз в жизни. Может быть, он стремится вызвать ее сочувствие и доверие к себе, как-то активизировать ее материнский инстинкт. Может быть, намекает таким образом на то, что под его невзрачной внешностью скрыта тонкая романтическая душа. Может быть, он просто убедился на практике, что такие рассказы действуют на восемь из десяти встреченных на дороге женщин. В конце концов, я не психоаналитик и потому могу смело сказать – не знаю. Так же смело я могу утверждать и то, что я сама стала бы рассказывать мужчине о своих детских мечтах, только перейдя с ним все возможные границы душевной и физической близости.

Впрочем, замкнутость в ответ на доверие вызывает негатив, а я к тому же еще и хозяйка дома. Поэтому я быстренько сочинила и рассказала Вадиму историю о том, что в детстве я мечтала стать космонавтом, как Валентина Терешкова, обливалась холодной водой, чтобы закалить свой дух, и вследствие этого часто болела воспалением среднего уха. А однажды даже смастерила космическую ракету из старой водопроводной трубы, карбида, бабушкиного нитроглицерина, магниевых опилок и елочных хлопушек, но она взорвалась прямо на стапелях, и отвалившаяся часть выбила мне передний зуб, поэтому у меня теперь вместо одного переднего зуба коронка, сделанная еще при социализме. И вот ведь, умели делать ничуть не хуже... На этом я решила, что адекватная мера интимности достигнута, и замолчала, предоставив Вадиму самому поддерживать разговор.

Джо Дассен все пел, Вадим немножко подумал и, к моему ужасу, заговорил «об умном». Хуже разговоров «об умном» в нашей образованческой среде могут быть только разговоры «об искусстве».

(– Мы вот недавно новый альбом Рубенса приобрели. Там и биография его есть, и про каждую картину отдельно написано. Очень познавательно. Показать?

– Конечно, покажите!

.....

– Да, все-таки у Рубенса такие странные представления о красоте... Ну посмотрите, какие они все жирные...

– Но тогда все такие были!

– Не скажите, не скажите, всякие были. Это ему лично такие нравились. Вот он таких и рисовал.

– Я бы так сказал, что у них у всех просто целлюлит в последней стадии – и все. Наверное, от нездорового питания...)

Неуклонно памятуя о моем историческом образовании, Вадим рассказал мне о том, что масонские ложи, по его мнению, ведут свою биографию непосредственно от древних орфиков, а Сергей Радонежский, скорее всего, был тамплиером не то по происхождению, не то по убеждениям. Вроде бы он выдвигал еще и другие, не менее смелые гипотезы, и даже их как-то обосновывал, но мне все это казалось какой-то дурной пародией на наши юношеские игры, и я почти не слушала. Если бы он говорил о сопротивлении материалов или какой-то другой теме их проектного института, о дураках-начальниках, экономическом кризисе, поломках машины, стерве-жене или сволочах-детях я, наверное, слушала бы более внимательно. Потому что во всех вышеупомянутых темах все-таки живет сам человек, таким, какой он есть. А все эти игры ума кажутся мне в последние годы придуманными лишь для того, чтобы что-то такое доказать себе... или другим... а впрочем, какая разница!

– Вы все молчите, – заметил, наконец, мой умный кавалер. – Вы не согласны со мной? У вас другой взгляд на эти проблемы? Или вам это просто неинтересно? Я вам надоел?

– Нет, нет, во всем этом, несомненно, есть какой-то смысл. Я, видите ли, воспринимаю мир как знаковую систему...

Он вопросительно округлил рот и одновременно трагически заломил правую бровь – видимо, решил, что сейчас я в отместку начну вкручивать ему что-нибудь маловразумительное из Венера или даже Витгенштейна. До чего же все-таки мужики боятся образованных женщин! Просто посмотреть приятно...

– Я имею в виду, что любое событие воспринимаю не как стечение случайных обстоятельств, а как некий знак, посланный именно мне. Знак, на который я, блюдя свои интересы, должна адекватно отреагировать.

Он облегченно вздохнул и явно хотел закончить разговор, но потом все-таки не удержался и спросил :

– А кем, собственно, посланный?

– Не будьте занудой. «Что в имени тебе моем?» Какая, в самом деле, разница?

– Вы знаете, для некоторых разница весьма существенная.

– Исполать им. Или вы сами тоже относитесь к этим «некоторым»?

– Прямая обращенность мира лично к вам... Ну что ж, во всяком случае это весьма смело... – сказал он, изображая благородную задумчивость.

И ушел от ответа. Я это запомнила.

После танцев я вышла в прихожую, чтобы немного остыть. У открытой на площадку входной двери курили Светка и ее третий муж-бизнесмен – мужик противный, беспринципный и безнравственный, но раздражающе умный.

– Сергей, – обратилась я к нему. – Быстренько скажите мне, что вы, как мужик о мужике, думаете об этом Вадиме.

– Отношения мужчины и женщины – это всегда поединок, – жутковатым образом угадывая мои недавние мысли, сказал бизнесмен. – И ставкой в нем являются вовсе не общеизвестные мелочи вроде того, кто будет выносить ведро, определять бюджет, воспитывать детей или планировать отпуск. Ставка – возможность свободного развития одного, при том, что другой

вынужден приспосабливаться или полоскаться в арьергарде. Если, конечно, это самое развитие изначально актуально для обоих...

– Сергей, не уходите от ответа!

– Когда вы танцевали, мне казалось, что сейчас вы, Анджа, укусите его за нос...

– Сергей! Я задала конкретный вопрос и хочу получить на него не менее конкретный ответ. Речь идет о счастье моей подруги и я хочу знать...

– О счастье вашей подруги?! – Сергей казался нешуточно удивленным. – А я полагал... Гм-м... Ну, если вы уж так настаиваете, то... этот ваш Вадим кажется мне каким-то... фальшивым, что ли. Он носит маску, впрочем, к его чести, в текущий момент делает это без всякого удовольствия. Мне показалось, что перед вами, Анджа, он охотнее предстал бы со своим собственным лицом. Но это отчего-то невозможно...

Сергей, несмотря на всю его противность, никогда ничего не говорил просто так. Поэтому его слова я тоже запомнила.

За то время, пока мы танцевали и курили, Ирка с Антониной успели унести грязную посуду и накрыть стол к чаю.

Я демонстративно уселась за стол не рядом с Любашей и Вадимом, а напротив них, выселив учительницу географии. Разговор тек вялый и сытый. Только Регина, мать Виталика, наконец-то получившая возможность спокойно поесть, торопливо поглощала салат и маринованные грибы, покачивая на руках уснувшего сына.

Я лениво ковырялась ложкой в «птичьем молоке» (на собственном дне рождении кусок почему-то всегда не лезет мне в горло. Аппетит приходит на следующий день, когда все самое вкусное уже съедено) и рассматривала сидящего напротив Вадима. Темные волосы и ярко синие глаза. В какой-то момент я даже подумала о контактных линзах, но тут же отбросила эту мысль – слишком уж нелепо для такого человека. А все же прекрасное цветовое сочетание для голливудского героя, если бы не общая невзрачность. Обругав себя за предвзятость и недоброжелательность, я настроилась на позитив и тут же решила, что Вадим, пожалуй, похож на князя Андрея, такого, каким представлял его себе сам Толстой. Изящный, нервный, с тонкими запястьями и чувствами, весь в чем-то заумном и духовном, лежит себе под дубом, то есть под небом... Стоп! – остановила я сама себя, но ассоциации против моей воли бежали дальше. Князь Андрей – «Война и мир» – одноименный фильм – артист Вячеслав Тихонов – молодой Штирлиц – «не думай о секундах свысока...» – анекдоты про Штирлица, которые так любила рассказывать младшеклассница Антонина. – «Штирлиц открыл сейф и вытащил записку Бормана. Борман пицал и упирался...»

В этом месте я не выдержала и фыркнула прямо в чашку с чаем. Брызги от чая и «птичьего молока» полетели мне в лицо и на пиджак сидящего рядом Демократа. Вадим, который не мог не заметить, что все это время я рассматривала именно его, ошеломленно округлил глаза и быстро оглядел себя, в поисках какого-то досадного недоразумения, вызвавшего столь бестактную реакцию с моей стороны.

– Извините! – сдавленно пробормотала я. – Я просто думала о своем...

Вадим сдержанно и едва заметно улыбнулся мне и как ни в чем ни бывало заговорил с Любашей, демонстрируя, таким образом, свою джентльменскость.

«Штирлиц спокойно шел по улице маленького западногерманского городка. Ничто не выдавало в нем советского разведчика, кроме волочащегося позади парашюта и старенькой буденовки, надетой слегка набекрень...»

– Ой, что-то в глаз попало! Пойду макияж поправлю. Сейчас... – опровергая свои собственные слова, я зажала руками вовсе не глаз, а рот, и, стараясь не расхохотаться, буквально выбежала из-за стола.

Все проводили меня изумленными взглядами. Лишь Володя смотрел сочувственно и с завистью. Он явно решил, что я перепила с непривычки и теперь меня тошнит. Что ж, и на чужие проблемы каждый смотрит сквозь призму собственного опыта...

Ленка в одиночестве стояла на площадке и курила.

– Тебе скучно? – напрямик спросила я.

– Нет, а тебе? – переспросила она.

– Нормально. Обычная жизнь вообще такая – на кого пенять? Как поживают несовершеннолетние правонарушители?

– Обычно, – пожала плечами Ленка. – Ты помнишь «снежного мальчика» Кешку?

– Ну разумеется, как я могла забыть?! – удивилась я. – А что, он как-то опять проявился?

– Не то, чтобы проявился, но я хотела с тобой об этом поговорить...

Ленкины глаза блеснули в темноте, а я поневоле погрузилась в воспоминания о том времени, когда я еще работала на биофаке Университета и вела практику на Белом море...

Глава 2. Снежный мальчик (1993 год)

Кораблик назывался «Нектохета». Дурацкое это название казалось вполне нормальным его пассажирам, которые толпились на обоих бортах, сидели на носу и на корме, пристроившись среди странного вида ящиков, коробок, бидонов и термосов. Большинство спали, уткнув носы в воротники ватников, надвинув на глаза капюшоны штормовок или привалившись к спине или плечу соседа. Неугомонные студенты, из числа самых увлеченных, висели на перилах, тыкали посиневшими от холода пальцами в серо-зеленые волны, лижущие грязно-белые борта, и сыпали неразборчивой латынью, что-то доказывая друг другу.

Сотрудники морской биологической станции и студенты-практиканты возвращались на базу. Коробки, термосы и бидоны были наполнены собранным материалом. Объектом их интереса в минувшую ночь был *Nereis virilis*, многочетинковый червь, который в безлунные августовские ночи поднимается из морских глубин, чтобы разорваться пополам и, оставив свою половину на поверхности моря, снова уйти к темному и родному дну, где он и живет весь год. Таким образом диковинный вирилис размножается.

Лов был удачным, «роение» нереиса мощным, все (кроме пойманных червей) остались довольны.

Солнце зашло за горизонт, чтобы через неполных два часа снова появиться над морем. Настоящего полярного дня здесь не было, но не было и ночи. Были лишь фиолетово-розовые сумерки, прозрачной кисеей укрывшие скалы, за которые отчаянно цеплялись скрученные ветрами прибрежные сосны. Все плавало в мерцающей неопределенности, плескались холодные, словно подсвеченные изнутри волны, чихая, урчал мотор «Нектохеты», биологам снились прерывистые, цветные и холодные сны.

По правому борту уходил назад низкий, маняще красивый остров с уютной гаванью и обильным сушняком на берегу.

– Давай пристанем, Малахов! – предложил капитану один из биологов, стоящий рядом с ним у штурвала. – Разведем костер, согреемся. Сухой паек есть. Еще кое-чего.

– Да-а?! – удивился и обрадовался Малахов. – Откуда?

– Откуда-откуда! От верблюда! – усмехнулся биолог. – Карпов вчера в Чупу ездил.

– Я-то что? Я – пожалуйста! А они? – Малахов кивнул на спавших вповалку студентов. – Руководительница ихняя?

– Щас узнаем! – пообещал биолог и, оттолкнувшись руками от перил, одним скольльзящим движением съехал по узкой лесенке вниз, на мокрую от росы палубу.

Анжелика Андреевна, руководительница практики 3 курса, не спала. Прищулив чуть близорукие глаза, она разглядывала проплывающий мимо берег (очки пришлось убрать, так как они тут же запотевали-забрызгивались искрами забортных волн). Положив укрытую капюшоном голову на колени матери, уютно посапывая, спала одиннадцатилетняя Антонина. «Нектохета» заметно убавила ход и слегка заюлила, выжидая. Мотор зачихал чаще, иногда срываясь на негромкий сухой кашель. – Анжелика Андреевна, давай пристанем к берегу, а? – предложил разговаривавший с Малаховым биолог, осторожно пробираясь среди людей и коробок.

– Что за странная идея, Сережа? – Анжелика Андреевна удивленно подняла густые темные брови и сказала всю фразу несколько громче, чем хотела. Пять-шесть человек вокруг нее подняли головы.

– Почему странная? – вразумительно и тоже достаточно громко продолжал Сережа. – До дома еще часа полтора-два телепаться. Малахов говорит, двигатель от перегрузки перегрелся. Передохнуть бы...

– Не слишком ли много «пере-», Сережа? – усмехнулась Анжелика Андреевна.

– Ну, не знаю... Мы не филологи, мы попроще, – осклабился в ответ биолог. – Но вроде бы – в самый раз. Норма загрузки – 15 человек, а здесь сколько? Три четверти мокрые, как мыши. На завтра у половины будет простуда в лучшем случае... А здесь – разведем костер, согреемся, одежду просушим. Поедим – сухой паек есть. Опять же для студентиков приключение...

– По моему, на сегодня с них уже хватит... – нерешительно предположила Анжелика Андреевна.

Видно было, что логика и уверенность Сережи подействовали на нее. Подтекста она старалась не замечать. Несколько студентов, стоявших у борта, отцепились от него и, нависнув над руководительницей, заговорили все сразу ломкими, чуть гнусавыми от насморка голосами:

– А чего, Анжелика Андреевна? Давайте пристанем, а? Пусть костер, а? Холодно! Согрейтесь надо бы! Жрать охота! Штаны бы подсушить! – от студентов пахло холодом, соплями носами и мокрой одеждой.

– Но мы же не предупредили на станции! – уже сдаваясь, для очистки совести пробормотала Анжелика Андреевна.

– Я предупредил! – крикнул с мостика Малахов, который, оказываясь, перегнувшись через перила, прислушивался к разговору. – Я всегда предупреждаю, когда с перегрузом иду. Чтоб потом не приставали. Сейчас погода не штормовая, никто особо беспокоиться не будет.

– Давай, пожалуйста, костер разведем, – тихо сказала Антонина, приподнимая голову и нетерпеливым движением сбрасывая на плечи капюшон. – У меня ноги мокрые... – Ладно, черт с вами, Сережа! Приставайте! – распорядилась Анжелика Андреевна и, помолчав секунду, добавила негромко. – Но чтоб студентам – ни капли!

– Об чем разговор! Самим мало! – белозубо усмехнулся Сережа и махнул рукой Малахову. – Давай, заводи!

Через полчаса человек тридцать уже сидели у огромного ярко полыхающего костра. «Нектохета» мирно покачивалась у скалы, на которую сполохи огня отбрасывали причудливые тени. Вокруг костра на палках и веревках были развешаны ватники, штормовки, сапоги и носки. Несколько студентов безуспешно пытались затянуть то одну, то другую песню. Остальные жевали или снова дремали, разморившись в тепле. На щеках большинства биологов алели яркие пятна румянца. Малахов рассказывал Анжелике Андреевне и Антонине о том, как он в шторм на «Нектохете» обходил мыс Чертов Нос. Анжелика Андреевна заученно и равнодушно кивала (она знала, что в шторм Чертов Нос нельзя обойти на суденышке класса «Нектохеты», а Малахов – опытный мореход с большим стажем и никогда не рискует попусту). У Антонины глаза горели от восхищения, она верила каждому слову Малахова и хотя ясно было, что все кончилось хорошо, сердце ее замирало в каждый критический момент длинного Малаховского рассказа.

Дослушав рассказ до конца и одновременно допив еще одну кружку горячего чая, Антонина отошла от костра по собственной надобности. Шла долго, потому что то там то тут попадались бродящие вокруг лагеря студенты, которых Антонина стеснялась. Рассеянно скользя взглядом по скалам и выбирая подходящую расселину, Антонина вдруг замерла и удивленно спросила сама себя:

– Ой, что... кто это?

Справа от нее, на самой высокой точке острова, слегка касаясь рукой искривленной ветрами сосны, стоял... стояло...

Сначала Антонина подумала, что, может быть, это кто-то из студентов, но быстро отказалась от этой гипотезы – существо было почти голым, босым, с шапкой всклокоченных волос на голове.

«Снежный человек – точно!» – решила, наконец, Антонина и побежала вниз.

Заинтересовать снежным человеком удалось не всех. И даже не большинство. Наибольший интерес проявили, как ни странно, не студенты, а сотрудники станции, человек пять из числа которых построились цепью и, воодушевляя друг друга нечленораздельными выкриками, неуверенно полезли на скалы.

– Вот увидишь, его там уже наверняка нет! – возбужденно прошептала Антонина матери. Они лезли впереди цепи, указывая дорогу. – И все скажут, что я придумала.

– Я ж говорила тебе, пойдем сначала вдвоем посмотрим, – резонно напомнила дочери Анжелика Андреевна.

Ей очень хотелось спать и наличие или, наоборот, отсутствие снежного человека на указанном дочерью месте не слишком-то ее волновало.

Однако он был там. Стоял все в той же позе, чуть склонив набок голову, и внимательно наблюдал за приближающимися людьми. Лучи восходящего солнца подсвечивали его сзади, обрисовывали четкий силуэт и ореолом пробивались сквозь взлохмаченные, длинные и, видимо, густые волосы. Лицо оставалось в густой тени.

Заметив предмет изысканий, биологи в цепи разом остановились в немом изумлении. Приложив к глазам ладони козырьком, они разглядывали необычное существо также статично, как и он их. Первым опомнился Малахов.

– Карпов, заходи слева! – привычно скомандовал он. – Чтоб по скалам не убежал. Вы двое стойте где стоите, а остальные – за мной!

Еще не пришедшие в себя биологи растерянно подчинились распоряжениям Малахова и сцена пришла в движение. Вместе со всеми задвигалось и существо на скале.

Оттолкнувшись от сосны, он сделал несколько шагов вправо, по направлению движения основных сил биологов. На мгновение им показалось, что он решил сам подойти к ним, и загонщики снова остановились, опершись на влажные от росы камни и приготовившись ждать. Но тут же поняли свою ошибку, потому что странное существо, во всем похожее на человека, вдруг с огромной скоростью ринулось вниз, наискосок, налево и, совершая неправдоподобно длинные и точные прыжки по скалам, за считанные секунды миновало ошеломленных биологов, спустилось почти до береговой линии и скрылось за выступом широкой, обрывающейся в море скалы.

– Лови!! – заорал Малахов и первым показал пример, рванувшись за удивительным существом, но тут же поскользнулся на камне, с костяным хрустом упал на колени, выругался и, поднявшись, заковылял к застрявшему в расщелине бревну. Трое биологов и присоединившаяся к ним Антонина минут за пять проделали тот же путь, который в одно мгновение преодолел незнакомец и в замешательстве остановились перед скалой, у подножия которой с глухим урчанием бился крепчающий к утру прибой.

– Как же он здесь прошел?! Здесь даже выступов нет, не то, что тропы, – спросила Антонина у старших товарищей.

Старшие товарищи молчали. Они не знали ответа и чувствовали себя неудобно. Им было холодно, влажно, тошно и не по себе оттого, что они столкнулись с явлением, которое не могли объяснить даже гипотетически.

– В самом деле, куда же он делся? Прыгнул в прибой? Взлетел?

– Ничего, найдем, – ободрил Антонину и себя высокий худой Карпов. – Остров маленький, деться ему некуда. Найдем и все узнаем...

* * *

Если приглядеться, то посередине Широкой салмы, между гребнями волн можно было увидеть три круглых, темных головы. Две из них принадлежали беломорским тюленям, которые от природы наделены недюжинным любопытством и всегда оказываются там, где что-то

происходит. Третья – таинственному существу, которое еще недавно бегало от биологов по скалам. Неспешно взмахивая руками и резким фырканием отгоняя тюленей (их стопятидесятикилограммовое любопытство могло быть опасным), пловец приближался к противоположному берегу салмы. Обернувшись назад, он углядел фигурки биологов на скале, и улыбнулся широкой, многозубой и хищной улыбкой.

Глава 3. Свидание (Анжелика, 1996 год)

Телефонный звонок в полдесятого вечера. Антонина, как всегда полная каких-то своих подростковых надежд, жадно цапнула трубку и тут же разочаровано бросила, как выплюнула.

– Мам, тебя!

Незнакомый, вроде бы чуть смущенный голос:

– Анжелика Андреевна, это вы? Здравствуйте. Извините за поздний звонок...

Пытаюсь сообразить, кто бы это мог быть. Первое, что приходит в голову – отец кого-нибудь из моих оборотов. Но вроде бы я никого не вызывала, тем более, звонить домой... Хотя они теперь такие, демократичные, могли узнать телефон в учебной части... Что у нас там сейчас в наличии? Боря Краснокутский третий месяц не ходит на уроки черчения. Учительница просила разобраться. Но Краснокутского-старшего я прекрасно знаю (хотя лучше бы мне его не знать вовсе). Агапов и Тимохин после физкультуры не вернулись в раздевалку, а оседлали оставленный во дворе школы мотоцикл с коляской, проехали на нем два круга и врезались в ограду волейбольной площадки. Хозяином мотоцикла оказался пожилой рыбак, зашедший к нашей школьной нянечке выпить чайку и поделиться уловом. Неожиданно для всех дядечка встал на сторону пацанов и заявил, что сам во всем виноват и, будучи мальчишкой и обнаружив оставленный «под парами» мотоцикл, сам бы не удержался от того, чтобы прокатиться. Обрадованные Агапов и Тимохин вызвались немедленно зашпаклевать и закрасить поцарапанное крыло, и инцидент был, ко всеобщему удовлетворению, исчерпан. Что там еще? Вика Крылова. Здесь все серьезнее. Дерзит, нарывается, курит травку с девятиклассниками, того и гляди сядет на иглу. Но у нее никакого отца нет и в помине, а регулярно меняющиеся сожители матери воспитанием девочки, естественно, не интересуются. Из текущего вроде все... Неужели с кем-то что-то случилось?!

– Это вас беспокоит Вадим. Может, помните? Я был у вас на дне рождения...

– Вадим?! – вот уж кого не ожидала услышать. Полагала, что после праздничного вечера он мое жилище за квартал будет обходить. – Я никогда не слышала вашего голоса по телефону и поэтому не узнала. Конечно, помню. Здравствуйте.

– Анджа, у меня к вам огромная просьба. У вас на дне рождения был Сергей, муж вашей подруги Светланы. Мы с ним договорились связаться по одному деловому вопросу, но я в суматохе куда-то дел его визитную карточку и никак не могу ее найти. Вас не затруднит дать мне координаты Светланы?

Так вот в чем загвоздка! Интересы бизнеса превыше личных симпатий и антипатий. Когда это они успели спеться с Сергеем? Впрочем, не удивительно. И, главное, какое мне-то до этого дело?!

– Да, разумеется. Сейчас возьму книжку и продиктую вам телефон... Записывайте: два – три – два...

– Большое спасибо... Вы меня очень выручили. И еще.... Вы знаете, Анджа, я должен признаться, что визитная карточка Сергея – это отчасти только предлог. То есть, я действительно ее потерял, и в этом несколько не кривлю душой, но чувство облегчения, когда я понял, что она потеряна и все равно придется вам звонить... В общем, мне показалось, что я сам подсознательно куда-то эту карточку и засунул, как говорят психологи, вытеснил... Понимаете, после моего, с позволения сказать, визита к вам у меня осталось ощущение неловкости, нелепости какой-то. И огромное желание эту неловкость исправить. Вы позволите мне попытаться?

Как-то необыкновенно мило это у него получилось. Обычно я в таких случаях отвечаю: спасибо, не стоит и пытаться! – но тут что-то такое во мне ворохнулось, и я замешкалась. Чувство собственной вины, должно быть...

– Да, Вадим, вы правы, все получилось очень по-дурачки. Видите ли, девчонки отлично знают, как я реагирую на подобные штуки, и ни о чем меня не предупредили. Поэтому я с самого начала воспринимала вас в качестве кавалера Любаши, чуть ли не как ее шанс на устройство личной жизни, и заранее как бы планировала для вас линию поведения, а вы в эту линию, естественно, не вписывались. А все остальные были девчонками предупреждены и видели в вас потенциального *моего* кавалера, и всячески этому подыгрывали, а уж как воспринимали ситуацию вы сами, я могу только догадываться...

– С вашего позволения, я воспринимал себя как самого себя...

– Да, разумеется... Я тысячу раз просила подруг не устраивать мне подобных фокусов, но им все не удается. Впрочем, их я тоже понимаю. Все мы хорошо чувствуем границы собственной личностной автономии, но вот точно ощутить чужие границы и никогда, даже из самых благих побуждений, не нарушать их – это большое искусство, доступное немногим.

– Доступное вам, – сказал Вадим, и я каким-то образом поняла, что это не вопрос и не комплимент, а лишь озвучивание его точки зрения по данному вопросу. – Могу ли я позволить себе попытаться загладить возникшее между нами недоразумение? – продолжал он. – Ведь я являлся пусть косвенным, но виновником того, что оно произошло. Так сказать, возмутителем вашего спокойствия, на вашем же, заметьте, празднике. Поэтому, а еще потому, что я мужчина, мне кажется, что инициатива в данном вопросе должна исходить от меня.

– Потому что вы – мужчина? – переспросила я и не удержалась от сарказма. – Вы – сексист?

– А вы – феминистка? – мгновенно парировал Вадим.

– Нет, – тут же сдалась я. – Хотя с симпатией отношусь к их попыткам доказать недоказуемое. Не все же вам, мужикам...

– Не будет ли с моей стороны слишком смелым пригласить вас куда-нибудь... например, в концерт?

Вопрос был построен столь замысловато и несовременно, что я замешкалась, затрудняясь с формой ответа. Наконец разозлилась сама на себя.

– Пойдемте лучше в цирк!

– В цирк?! – теперь явно замешкался мой собеседник, и я почувствовала себя отмищенной. – А у него уже открылся сезон? – в голосе Вадима слышалось беспокойство. Он явно принадлежал к тем людям, которые привыкли так или иначе управлять ситуацией и начинают нервничать, когда события не желают течь по запланированному заранее руслу.

– Ладно, ладно, не берите в голову, – засмеялась я. – Пойдемте на концерт, если вам так больше нравится. Или еще куда-нибудь. Сказать по правде, в моей жизни так мало развлечений, что просто глупо отказываться.

– Вот и хорошо, – Вадим на том конце провода явно перевел дух. – Вы завтра вечером свободны? Вы ведь работаете в школе? Во сколько у вас кончаются уроки? В четыре? Прекрасно! Давайте встретимся в пять часов у метро Гостиный двор. А там дальше разберемся. Вас устраивает такая программа?

– Вполне, – согласилась я и улыбнулась в трубку. – Мне так давно не назначали свиданий...

– Я тоже давно их не назначал, – ответил Вадим. По-моему, он говорил совершенно серьезно.

– Мам, ты завтра на свидание идешь, да? – тут же высунулась из-за угла Антонина. – А с кем? А он симпатичный? А я его знаю? А что ты наденешь? Надень вот ту кофточку серенькую, знаешь, с воланом. Она тебе очень идет. И только черную юбку длинную не надевай,

ладно? Ты в ней на нашу учительницу биологии похожа. Мы ее Кrevetкой зовем... Знаешь, недавно Борька Еременко поднимает руку, как будто бы просто так, и спрашивает: Светлана Владимировна, скажите пожалуйста, сколько лет живет креветка? Представляешь? Мы прямо все покатились...

– Очень смешно, – согласилась я. – Я не качусь только потому, что здесь в коридоре негде. Иди, пожалуйста, в свою комнату. И не лезь в мою личную жизнь. Я же в твою не лезу...

– Какая у меня личная жизнь! – тут же затосковала Антонина. – Ты же меня даже на дискотеку после девяти часов не пускаешь. А там после девяти самое главное и начинается...

– Уточни, пожалуйста, что именно начинается после девяти часов? – попросила я.

– Все равно ты ничего не понимаешь! – дочь безнадежно махнула рукой и, изображая протест всеми частями своего молодого тела, скрылась за дверью.

* * *

На следующий день после работы я в состоянии глубокой задумчивости стояла перед распахнутыми дверцами платяного шкафа. Что же надеть? Попробовать изобразить торжественный выход в свет? Для этого мой гардероб явно не годился. Пара строгих «учительских» костюмов тоже не в тему. Почему-то мне категорически не хотелось, чтобы Вадим воспринимал меня через призму моей профессии. В конце концов я надела ту самую серую блузку и темно-синие вельветовые брюки весьма смелого покроя (фигура это пока позволяла, хотя в последние два-три года я слишком часто утешала себя лишним бутербродом, и, как следствие этого, явно начала полнеть). Хотела было привычно зацепить с вешалки корейскую кожанку, купленную весной на рынке, но, подумав, надела серый же длинный плащ. Он и вовсе приобретен был в «секонд-хэнде» за двадцать рублей, но его свободный покрой и широкий запах создавали иллюзию защищенности, которая в характеристике вещей встречается чрезвычайно редко и от стоимости их совершенно не зависит. Предыдущей моей вещью, обладавшей тем же достоинством, был старый, огромный, почти до колен свитер грязно лилового цвета, с растянутым воротом и резинкой на рукавах. Я носила его лет пятнадцать и выбросила лишь тогда, когда лихая моль почти полностью съела весь перед.

Женщина должна слегка опаздывать на свидание. Однако, точность заложена в самой моей природе, еще усиленной учительской профессией, и потому мне пришлось напрячь всю свою силу воли, чтобы вступить на поднимающийся эскалатор на пять минут позже назначенного Вадимом срока.

Уже поднимаясь, я подумала о том, принесет ли Вадим цветы. В юности, когда свидания еще были частью моей обыденной жизни, цветы всегда создавали проблему. Довольный кавалер вручал их мне, а потом мы отправлялись бродить по городу, в кино или еще куда-нибудь. Убрать куда-нибудь целлофаново шуршащий веник не представлялось возможным, выбросить или оставить где-нибудь – тоже. В кино цветы лежали на коленях, мешая сплетению рук, в кафе их непременно забывали на столике и кто-нибудь обязательно бежал вслед с истошным криком: «Девушка, вы забыли свой букет!» – и приходилось тупить взор и шептать смущенно: «Прости, милый!» – А потом: «Подержи их, пожалуйста, я достану пятак, или – причешу волосы, или – схожу в туалет...» – Цветы никли головками, их листики сминались, как зеленая использованная бумага, мне было их жалко, у меня портилось настроение, хотелось скорее домой, но дома они тоже умирали, пусть спустя день или три... В общем, я не люблю, когда мне дарят цветы. Олег, отец Антонины, был единственным, кто знал об этом, и всегда дарил мне цветы в горшках. Два его цветка живут у меня до сих пор. Круглый упрямый кактус и нежная махровая фиалка с пушистыми листьями и белыми цветами, похожими на утренние, слегка поблекшие звезды.

В руках у Вадима была желтовато кремовая роза с непропорционально длинным стеблем. Издалека мне показалось, что мы с ней почти одного роста. И вообще, он явно выбирал ее по какой-то ассоциации со мной. Сознательной или уж там подсознательной – не знаю. Если подсознательной, то сейчас он должен это заметить и сказать что-нибудь вроде:

– Эта роза напоминает мне вас...

Увидев меня, Вадим почему-то вздрогнул, как вздрагивает внезапно проснувшийся человек и вручил мне розу со словами:

– Не сердитесь на меня за банальность, но мне показалось, что она чем-то похожа на вас...

Я рассмеялась, а Вадим сделал брови домиком и слегка обиженно замолчал. Ассоциации!

«Штирлиц шел на встречу с радисткой Кэт. Под мышкой он нес горшок с геранью. Это был их тайный, никому не известный условный знак...»

О, Господи! Придется, наверное, рассказать ему про Штирлица и князя Андрея. Иначе он заподозрит, что у меня что-то не в порядке с головой.

– Куда же мы пойдем? – подавив приступ смеха, спросила я.

– Вперед! – с озорной мальчишеской интонацией сказал Вадим и решительно взял меня под руку. Я осторожно ухватила двумя пальцами за колючую талию розы, и дальше мы пошли вдвоем.

Купив в филармонии билеты на органный вечер, мы обнаружили, что до начала концерта еще два часа и, почти не сговариваясь, пошли по набережной Фонтанки к Летнему саду.

– Может быть, все-таки в Цирк? – подмигнул мне Вадим, когда мы проходили мимо шатрового здания, возле свежей афиши которого крутилась детвора.

– В другой раз, – усмехнулась я.

– Заметано, – отреагировал мой спутник. – В детстве я обожаю Цирк. Но видел в нем не волшебство, как многие другие дети, а огромный и завидный труд. Завидный потому, что сразу же видна отдача – улыбки, испуганные вздохи, радость, восхищение. Цирковые люди живут своей работой, и я мальчишкой завидовал их цельности, понимая, наверное, что мне самому никогда ее не достичь. Смешно, но я мечтал родиться в цирковой семье...

– Я тоже любила цирк. Много лет, еще старшим подростком. Но однажды все кончилось. Я была на спектакле заезжего цирка Шапито. Денег у меня было мало и я купила самый дешевый билет. Сидела почти под самым куполом и видела в основном не арену, а арматуру, на которой крепился этот огромный шатер. Знаете, все эти балки, канаты, прожекторы, всякие тросы... И вот, там выступала воздушная гимнастка. Она что-то такое умопомрачительное делала на этой веревке, свивалась в кольца, куда-то падала, в последний момент за что-то хваталась ступней левой ноги... В общем, их обычные трюки. А потом – она стала летать на веревке кругами, все шире и шире, и висела не то на одной руке, не то вообще держалась за что-то зубами. И когда круги стали совсем широкими, она летала под самым куполом, словно привязанная к винту огромного вертолета, и пролетала совсем рядом со мной, так, что я видела ее почти вплотную. И я увидела ее лицо. Вообще-то они ведь всегда улыбаются, но тут она, наверное, думала, что уже слишком высоко и широко, и ее никто не видит... Она была уже не очень молодая, эта гимнастка. И пудра и грим катышками скатались на ее лице, и на лбу блестел пот, но не каплями, как бывает у нас, а как бы полосами. Он, этот пот, стоял в морщинах как в канавках, и не мог никуда деться из-за толстого слоя грима, а глаза казались огромными и куда-то провалившимися. И такое нечеловеческое напряжение было на этом лице, что у меня в животе что-то завязалось в узел и не хотело развязываться до самого конца представления... С тех пор я больше никогда не была в цирке... А дочку туда водила бабушка...

Некоторое время мы шли молча. Вадим явно подбирал слова, я даже слышала, как они шуршат у него в голове. Но так и не подобрал, и я была ему за это благодарна.

В саду шелестела и пришепetyвала осень, и черные мокрые стволы ежились и покрывались новыми морщинами, предчувствуя недалекие холода. Я поддевала ногами неубранные

листья и сквозь тонкий капрон чувствовала, как их скользкие влажные тела холодят подъем и лодыжки. Так всегда ходят сквозь осень мои обормоты, и также хожу я. А все остальные пусть думают что хотят.

Но Вадим вроде бы ничего не думал, а просто шел рядом. Сегодня он был молчалив и не донимал меня, как на дне рождения, своими откровениями и гипотезами. Естественно, чтобы заполнить образовавшуюся паузу, говорила я. Учительский рефлекс, никуда не денешься, молчание – либо угроза, либо даром пропадающее время учебного процесса. О том, что все в природе, в том числе и слово, должно созреть, прежде чем принесет плоды, я уже несколько лет помнила только умозрительно. И вела себя как настоящая, стопроцентная учителька. Рассказывала о своих учениках, об их родителях, о трениях в педколлективе. Вадим слушал внимательно, но несколько обескуражено. Видимо, не знал, как реагировать. Иногда поддакивал, задавал наводящие вопросы. «Да что вы!» «Ну, а что же он?» «И как же решили на педсовете?» «А как у вас в школе поступают в подобном случае?»

А у меня от заданности ситуации, от невозможности выйти из нее к глазам подступали совершенно непрошенные слезы. «Мы разговариваем, как два положительных героя из фильма семидесятых годов. Фальшиво донельзя. Я несу невесть что, и совершенно непонятно – зачем, – думала я. – Ни мне, ни уж тем более Вадиму это не нужно. Все это не имеет ко мне никакого отношения. То есть, имеет, конечно, но я совсем не хочу об этом говорить. Но почему же, почему – говорю?!»

– Мне кажется, Анджа, что вы от чего-то защищаетесь, – внезапно сказал Вадим, и, остановившись, осторожно развернул меня лицом к себе. – Мне бы не хотелось думать, что это «что-то» – я. Поверьте, я совершенно безопасен, меня не надо развлекать светской беседой, и я не отношусь к людям, которые не выносят тишины осенних садов. В конце концов, вспомните свою собственную реакцию на мои судорожные попытки развлечь вас...

Итак, меня очень аккуратно и интеллигентно опустили мордой в салат. Он раскусил мою раздвоенность, но я, вопреки всему, не обиделась, а пожалуй что испытала род облегчения.

«Штирлиц шел на конспиративную квартиру. Подойдя к дому, он поднял глаза. На подоконнике стояли тридцать три мясорубки. „Явка провалена!“ – догадался Штирлиц.»

Мы стояли слишком близко друг к другу, и на этот раз я даже не засмеялась. Его глаза прямо напротив моих. Их неестественная синева снова поразила меня. В сумрачной глубине сада, под серым ленинградским небом она казалась почти вызывающей.

– Простите, Вадим, вы носите контактные линзы?

– Нет, у меня просто такой цвет глаз, – грустно улыбнулся он. – Раньше женщины находили это красивым, или, по крайней мере, загадочным. Теперь осведомляются о контактных линзах. Вы уже третья, кто спросил меня об этом.

– Простите еще раз за допущенную бестактность, – чем-то неуловимым его слова задели меня, вызвали не сочувствие, на которое и было рассчитано его кокетство, но раздражение. – Наверняка найдется женщина, которая по достоинству оценит действительно редкий цвет ваших глаз.

– Возможно, – спокойно согласился он. – Так от чего же вы защищаетесь?

– «От вас! Не люблю, когда без спросу лезут в душу!» – хотелось рубануть мне. – Не знаю. Должно быть, от себя самой, – сказала я.

– Не надо, прошу вас, – действительно попросил он, а его синие глаза вдруг как-то протокольно потускнели. Как будто бы Вадим открыл у себя в голове рабочую записную книжку и что-то прочел в ней. – Я знаю от Любаши, что раньше вы были биологом, научным сотрудником в Университете. Как же вы оказались в школе?

Я ответила вполне искренне, но возникшее ощущение заполнения какой-то анкеты не ушло.

– Да, я действительно работала на кафедре. Изучала нечто маловразумительное на взгляд непрофессионала, и писала статьи в малопопулярные научные журналы. В последние два-три года преподавала, собиралась защищаться. Меня все это устраивало, и, если бы наша страна не вздумала поменять политический строй вкупе с общественно-экономической формацией, я бы, скорее всего, так и просидела на кафедре всю свою жизнь. Но... после начала перестройки моя наука как-то тихо и незаметно свернулась, как увядший лист. Зарплату перестали платить, а, когда платили, ее не всегда хватало даже на хлеб. У мамы обострилась гипертония и ей дали вторую группу инвалидности. Антонину нужно было не только кормить, но и одевать, и развлекать... В общем, чтобы продолжать заниматься наукой, надо было уезжать из страны. Многие мои знакомые так и сделали. Меня же что-то остановило. Может быть, трусость, может быть, то, что я не знаю языков... Я задумалась над тем, что я еще могу делать. Вспомнила, что университетский диплом позволяет преподавать биологию в школе. Тогда это показалось мне вполне пристойным промежуточным выходом. Днем работать в школе, а вечером еще где-нибудь подрабатывать, например, уборщицей. Я пришла в обыкновенную ближайшую школу, и, о счастье, сразу же оказалось, что у них не хватает едва ли не трети учителей, и есть возможность работать на полторы ставки, и еще вести факультатив, и еще классное руководство... В общем, на круг с самого начала стало выходить ровно в два раза больше, чем было у меня на кафедре... Потом я как-то случайно обнаружила свои исторические познания и увлечения, и они спросили меня, не могу ли я вести еще и историю в тех классах, где не оказалось преподавателя. До сих пор не знаю, как это возможно с административной точки зрения, чтобы человек с дипломом биолога преподавал историю, но... Но я начала это делать, и мне, в отличие от преподавания биологии, даже понравилось...

– А ваши «исторические познания и увлечения»? Откуда они? – вклинился в мой монолог Вадим. Я внимательно посмотрела ему в лицо. Мне показалось, что мой рассказ почему-то действительно важен для него. Я удивилась и продолжала.

– Я действительно увлекалась историей еще со школы. Но никогда не собиралась заниматься ей профессионально. Что-то вроде хобби. Помните, на излете «эпохи застоя» это слово некоторое время было весьма популярно? У всех было хобби. Геологи писали стихи, кочегары рисовали картины, филологи занимались реставрацией, а писатели – столярным делом... Ну вот, а я интересовалась историей. Потом, когда я уже училась на биофаке, я познакомилась со студентами-историками. Отец Антонины был одним из них...

– А вы интересовались каким-то определенным периодом? – спросил Вадим, и его вопрос опять удивил меня. Согласно логике, на текущий момент он должен был направить разговор в русло моей бывшей личной жизни. Или уж вообще свернуть...

– Да, пожалуй, можно сказать и так... Еще в школе я побывала на экскурсии в Полоцке, и мое воображение буквально пленил Всеслав Брючиславич, полоцкий князь из XI века. Вы, Вадим, вряд ли слышали о нем, но в свое время и позже он был очень известен. При нем наступил расцвет полоцкого княжества. Его считали чародеем. Восставший народ посадил его на киевский престол. О нем писал автор «Слова о полку Игореве»...

– Очень интересно, – пробормотал мой спутник, явно листая в голове странички все той же записной книжки.

«Да что же, черт побери все на свете, у него там записано?!» – подумала я.

– И что же, Анджа, на этом многолетнем пути вашего увлечения у вас были какие-то... находки?

– Находки? – слегка оторопела я. – Какие находки? Вы имеете в виду нечто, достойное публикации в серьезных научных журналах? Нет, конечно! Разве что материалы для спекуляции. Например, я всегда была убеждена, что Всеславов было два, и именно этим объясняется все приписываемые ему легендой способности. Два брата-близнеца, понимаете?

Одиннадцатый век. В общем-то, очень интересное и насыщенное историческое время. Становление и могущество Киевской Руси. Могучие личности и исторические персонажи. Князя Всеслава современники считали колдуном, так как он родился у бездетной до того матери в результате волховства, мог появляться сразу в нескольких местах, да и вообще чрезвычайно быстро перемещался по бездорожной Руси. Числилось за ним множество воинских подвигов, несомненный дар внушения, и даже, как я уже упоминала, кратковременное правление на Киевском Столе (изгнав собственного князя, киевляне достали из поруба Всеслава, где он в это время сидел в плену, и посадили править. Всеслав поправил несколько месяцев, потом ему это все не то надоело, не то стало в тягость, и однажды в ночь он попросту исчез вместе со своей дружиной). Надо отметить, что, несмотря на воинские увлечения и показную легкомысленность, собственное (Полоцкое) княжество Всеслав всячески холил и лелеял, и оно во все долгое время его правления безусловно процветало. Так вот, моя собственная гипотеза объяснения колдовских особенностей летописного Всеслава заключалась в том, что Всеславов на самом деле было два – близнецы. Гипотеза биолога. Я знаю, что такая ситуация довольно часто встречается в случае какого-либо фармакологического стимулирования организма женщины для возникновения беременности – а что иначе делали древнерусские волхвы? – но весьма неудобна для разрешения проблем престолонаследия.

– Ага, значит, два Всеслава? – откровенно развеселился Вадим. – Один в Полоцке княжит, а другой, предположим, Новгород атакует? А бедные замороченные русичи думают: колдовство! Ловко!

– А сами-то, сами?! – загорячилась я. – Сергей Радонежский как агент розенкрейцеров! Я же все помню!

– А чем же тогда объяснить, что Филипп Красивый так и не нашел казну тамплиеров, а на Руси как раз в это время...

Вдруг на какое-то мгновение мне показалось, что время повернулось вспять, и вечерний город помолодел без малого на двадцать лет, и передо мной, размахивая длинными руками, стоит Олег, и излагает свои безумные гипотезы, а я спорю с ним до хрипоты, до злых слез, а потом, когда все аргументы уже исчерпаны и примирение кажется невозможным, он хватается меня в охапку, мы вместе падаем на ближайшую скамейку и начинаем ошалело целоваться...

«Стоп! Нельзя дважды войти в одну и ту же реку!» – приказала я себе. И подчинилась мысленному приказу. Но это разорванное моей волей мгновение ошеломило меня.

Должно быть, осенний сад всколыхнул во мне что-то давно похороненное под спудом сегодняшних забот, обнажил тот слой, который казался давно забытым, исчезнувшим, стертым последующим опытом и событиями. И – вот чудо – краски почти не выцвели, и запахи также свежи и тревожны, и вкус Олежкиных поцелуев до сих пор у меня на губах... Так неужели все эти годы я обманывала себя...

– Анджа, что это с вами? – в голосе Вадима слышались тревога и любопытство. – Вы опять куда-то уходите...

Глава 4. Белка и Олег (Анжелика, 1982 год)

— Это было давно. Это было так давно, что никто уже не помнит, когда это было, да и было ли вообще.

И все же.

Случилось это в то время, когда все без исключения люди верили в существование чертей, вурдалаков, ведьм, русалок, леших и прочей злой и кровожадной нечисти. И, конечно же, нечистью этой кишела в те времена вся земля. Ведь люди тогда еще не знали, что только повев в что-нибудь доброе и красивое, смогут они поколебать владычество злых душегубов и добротой этой населить свой удивительный край. А край тот действительно был прекрасен. Медленные обильные реки текли среди пологих холмов, золотые поля сменялись темными борами и светлыми березняками, где нежно розовели в изумрудной траве волнушки и сыроежки, и огоньки земляники стеснительно прятались под яркой зеленью бархатистых листьев.

А в самой середине огромного векового леса стоял в те времена черный терем, сложенный неведомо кем из неотесанных камней и огромных закопченных бревен. Клоки белого мертвого мха торчали из высоких стен, а в узких оконцах терема пряталась нелюдская темнота. К терему вели три дороги, но в колеях их зеленела трава и поднимались молодые березки. Потому что даже в самый светлый полдень никто из людей не решался ступить на эти дороги.

Черный и угрюмый днем, с наступлением ночи терем оживал. Крики и вопли слышались из его окон и далеко разносились по притихшей округе. Мелькал в окнах свет факелов и те жутковатые синие огоньки, которые видят путники на болотах. Иногда вываливались из окон и дверей странные, уродливые, полупрозрачные в неверном свете факелов тени и, страшно стелаясь, скрывались в густом лесу. То пировала, гуляла лесная, водяная и прочая нечисть.

Никакой отдельный человеческий рассудок не выдержал бы зрелища этого кровавого пира и вида его чудовищных гостей. Только все люди разом, собрав все свои страхи и унижения за сотни и тысячи лет, могли придумать и, значит, создать такое...

К утру гости разлетались, расползались, растворялись в розовой дымке зари, оставляя после себя вонь, грязь, лужи засохшей крови на усыпанном грязной соломой полу, да обгрызенные кости на столах и в потемневших от времени деревянных мисках с застывшим, невероятно отвратительным на вид и запах жиром.

В тереме оставалась лишь ведьма-хранительница. Она, как могла, убирала покои и, поминутно ворча и ругаясь, ссыпала мусор в огромную яму позади терема, над которой круглый год кружили вороны с железными клювами и карими беспощадными глазами.

Подметая пол смоченным в воде ольховым веником, рассыпая чистую солому, горько жаловалась хромая ведьма на свою несчастную, непочетную для честной лесной нечисти судьбу. И при этом тоскливо косилась в один из углов, да злобно скалила коричневые, обкрошившиеся зубы. Там в углу, на куче шкур и тряпья, отсыпался после шумной ночи худой и грязный ребенок — единственная дочь хромой ведьмы, ее боль и позор.

Ведьма ненавидела свою дочь.

— Эй, хватит дрыхнуть, проклятое отродье! — более ласковых слов девочка никогда не слыхала. Еще бы! Ведь это из-за дочери приходилось старой ведьме терпеть унижительную жизнь хорошей холопки, из-за дочери обрушилось на нее презрение бывших подруг — вольной лесной нечисти. Да и где уж девчонке жить в лесу! Сожжет ее летнее солнце, вымочит дождь, высушат и выморозят зимние холода... А главная беда — девчонка, родившаяся черненькой, мохнатенькой и даже по своему симпатичной, с остренькими зубками и коготками, год от году

все больше становилась похожей на ненавистный человеческий род. И совсем, ну совсем не походила на старую ведьму!

И все же ведьма по своему любила дочь. И однажды, упившись на пиру кровавым вином да хмельной колдовской брагой, выскочила она из своего темного угла, легко, как в молодости, вспрыгнула на стол прямо перед бывшими товарками.

– И – еэх! – взвизгнула хромая ведьма. – Гордыня вас ест, что вы, мол, человеческого рода погубивцы! А зато ни у кого из вас нет такой дочки! А коли сотворили нас боги хоть и в отвратном, да женском обличье, что-то же имели они в виду! Плюю на вас и ваше презрение! – и старая ведьма смачно плюнула прямо на стол, в миски с недоеденными кушаньями.

Ох, и завертелись же остальные ведьмы, да и прочая нечисть лесная, водяная и полевая! Ох, и повыдергали же волос из и без того негустой ведьминой косицы! Особенно усердствовали русалки, утопленницы. Ведь были они когда-то обычными девками из окрестных деревень и лесных городищ, и как все девки мечтали о женихах да детишках...

К утру гости, натешившись, разбежались, а старая ведьма еще три дня варила из семи корней целебное варево, охая, прикладывала его к своим ранам и синякам, и вымещала свою бессильную злость на ни в чем не повинной девочке.

– Ох, и изведу я тебя, проклятую! – кричала она, грозя дочери огромной суковатой палкой. – И на что ты только такая уродилась! Кому ты только сгодишься! К нам тебе дороги нет, да и к людям тоже нет. Чем скорее за смертный край отправишься, тем лучше!

Девочка понимала, что мать никогда не приведет в исполнение свои угрозы, но все же дрожала от страха и пряталась в своем углу, пытаясь хоть ненадолго забыться. После ночных гуляний, во время которых она, конечно же, не могла уснуть, у нее раскалывалась голова, все тело болело от выпадавших все же на ее долю тумачков и колотушек, а на душе было так муторно и бесприсветно, что иногда думалось:

– А и извела бы она меня в самом деле! Чем так жить...

Но кроме вонючих полутемных хором был в жизни ведьминой дочери еще и батюшка-лес, стоявший сразу за порогом и всегда готовый укрыть, утешить, убаюкать своей вековой, никогда не умолкающей песней.

В лесу девочка чувствовала себя гораздо лучше и свободнее, чем дома. Каждое утро она встречала в лесу и ее утренний бег напоминал скачки беззаботного солнечного зайчика. Тенистые дубравы сменялись залитыми солнцем полянами, бегучие ручьи стекали в заросшие кувшинками и лилиями лесные пруды. Студеные ключи с тихим шелестом пробивали вековую лесную постилку и в золотом песчаном воротничке являли лесным обитателям свою маленькую хрустальную шапочку, разливая целебные воды, приносящие облегчение от всех хворей, которые только есть на свете.

В ветвях деревьев пели невидимые птицы. Девочка узнавала их по голосам и умела приветствовать каждую на ее родном языке. Лесные звери не боялись ведьмину дочь (ведь она была лишь наполовину человеком) и бесстрашно подходили к ней, обнюхивали ее, щекотали руки и босые ступни блестящими кожаными ногами. Особенно интересовал их кошелек на поясе, в котором девочка обычно приносила угощение.

Нечисть лесная с девочкой в разговор, по неписаному уговору, не вступала, но и не трогала ее. Лесовик не кружил, не заплетал тропинки, когда она бегала по ним, бесшумно, как зверь лесной, ступая маленькими босыми ногами. Водяной не тянул на дно, русалки не щекотали и не путали волосами, когда девочка плавала в лесных прудах, срывая кувшинки и ныряя с ловкостью выдры, чтобы руками поймать глупых, разжиревших от спокойной жизни карасей.

Однажды на берегу лесного ручья увидела дочь ведьмы маленького голубого старичка с белой пушистой бородой, похожей на пену, что скопляется у бобровых речных запруд. Старичок сидел на камне и, что-то приговаривая, кидал в ручей желтые опавшие листья.

– Ты кто? – спросила девочка, бесшумно подкравшись почти к самому камню. Старичок испуганно вскочил, заморгал голубыми глазами.

– Не бойся, – успокоила его девочка. – Я не человек. Я – дочь хромой ведьмы из черного терема.

– Ах, вот как, – старичок успокоился и принялся собирать рассыпанные листья. Девочка помогала ему. – Так вот ты какая, – медленно сказал он, разглядывая ее. – Я слышал о тебе, но представлял тебя иной... А тебя не отличишь от человека. Разве что волосы...

Девушки окрестных сел и городищ почти сплошь были белолицы, румяны, светлоглазы, белобровы, с русыми, в цвет прелой соломы волосами. У дочери же ведьмы падала на узкие плечи тяжелая копна смоляных нечесаных кудрей, а огромные глаза смотрели мрачно и пронзительно, презирая чужие тайны и запреты и не обещая добра.

– Эка, какая ты... серьезная... – протянул старичок и снова опустился на камень.

– Кто ты? – нетерпеливо повторила девочка и притопнула босой ногой.

– Я-то? Ручейник. К этому вот ручью приставлен. А тебя как зовут?

– Как зовут? – девочка задумалась, поскребла затылок грязной рукой. – А, вот – отродье проклятое!

– Ну, то ж разве имя! – огорчился старичок. – То прозвище бранное.

– А где ж его найти, имя-то? – простодушно поинтересовалась девочка.

– А вот я сейчас тебе придумаю имя, – воодушевился Ручейник. – Если никто до сей поры не озаботился, то почему не я? Будешь ты... будешь ты... Враной, вот так. Волосы у тебя воронову крылу в цвет – потому так. Врана. Нравится имя-то?

– Врана, – повторила девочка. – Ничего, жить можно. По-любому, так куда лучше выходит, чем «отродье проклятое». Спасибо тебе, Ручейник, за имя, – девочка поклонилась старичку. Тот смущенно потупил глаза и пощипывал пенную бороду.

– А что это ты делал? – девочка кивнула на уплывавшие по ручью осенние листья.

– На осень колдую, – охотно пояснил старичок. – Какая, значит, осень будет и скоро ли заморозки первые лягут.

– А как это?

– Э-э-э! – старичок погрозил девочке тоненьким пальчиком. – То наша колдовская тайна, никому, кроме нас, не ведомая.

– Ну и ладно! – притворно обиделась девочка. – Оставайся со своей колдовской тайной! – она повернулась, собираясь уходить.

– погоди! – спохватился Ручейник. – Не уходи! Поговори со мной еще. Сюда редко кто заглядывает. Только звери глупые на водопой спускаются... Соскучился я по разумному слову...

– Ладно, – смягчилась девочка. – Я сейчас пойду, а потом еще к тебе загляну. Хорошо?

– Да, да, приходи, пожалуйста, Врана, в любой день приходи!

Девочка подняла плечи и свела густые брови – новое имя было непривычно, как новая одежда. Казалось, что старичок обращается к кому-то другому, стоящему рядом. Но рядом никого не было.

– Мама, – сказала девочка, вернувшись домой. – Не зови меня больше отродьем, зови Враной. Это имя мое.

– Эт-то что еще за чудеса?! – изумилась старая ведьма и тут же прыгнула вперед, вцепилась крючковатыми пальцами в худенькие плечи дочери. – С людьми снюхалась, тварь?! Говори, все равно узнаю!

– Н-нет! – побледнев, выкрикнула девочка. – Это голубой старичок, Ручейник...

– Ладно, коли так! – разом поверив, ведьма отшвырнула дочь. Та упала на кучу шкур и затряслась в беззвучных рыданиях.

– Врана! Это ж надо такое выдумать! – бормотала старая ведьма, ворочая чугуны у огромного очага.

Шли годы. Вековой лес не замечал и не считал их, как не считали их и все его дети. Только люди, отгородившись от леса бревенчатыми стенами своих городищ, пытались как-то отмечать облетевшие дни, весны, зимы, но часто сбивались и путались, потому что жизнь человеческая коротка, а случившееся при отцах или дедах мнилось такой немыслимой далью, что казалось глупым верить немногочисленным зарубкам.

Но годы все же шли. Ничего не менялось в черных хоромаш. Все также хороводилась в них по ночам лесная нечисть, все также ворчала, убирая грязь и вынося объедки, старая ведьма.

Но незаметно для всех, как гриб красноголовик в лесной подстилке, подросла в темном углу, да на глухой опушке ведьмина дочь. Подросла, расцвела, и стала такой красавицей, что даже старая ведьма смотрела иногда с удивлением и не решалась больше тронуть ее, а только грозила издали все той же суковатой палкой.

И как-то средь шумного пира, высоко подняв голову, прошла девушка по самому краю покоев, и вдруг замерли крики, смолкли вопли и стоны. И хоть не было на ней никаких украшений, и прикрывала ее только грубая холщовая рубаха, да густые, ниже пояса кудри, онемела нечисть лесная и водяная от такой невозможной, неправильной красоты, а потом заворчала, завизжала, застонала на разные голоса... И схватила хромая ведьма за руку свою дочь, подтолкнула ее в спину и шепнула:

– Беги! В лесу схоронись и до утра сюда не приходи!

Врана ничего не поняла, но мать послушалась, и больше на пирах не являлась...

Красоты своей она не знала, вечно хмурым и мрачным оставалось ее лицо, и вечно сведены были над тонким переносом соболиные брови. По прежнему диким зверем рыскала она по лесу, бесстрашно взбиралась на самые верхушки вековых деревьев и часами качалась на тонких, грозивших обломиться ветвях. Или, сбросив рубаху, прямо с ветвей прыгала в пруд и долго, задержав дыхание, сидела на дне, широко раскрытыми глазами разглядывая суматошную водяную жизнь. А то, зажав в руке тлеющую головешку, цепляясь босыми ступнями, взбиралась на дупляные стволы и, засунув в древесную сердцевину тонкую смуглую руку, извлекала на свет душистые, сочащиеся темным медом соты.

Так текла ее жизнь, и она не знала ей края, не ведала ее цели и смысла. Старичок Ручейник, да незаметный, похожий на мшистый пенек лесовичок Онеша были ее единственными друзьями и собеседниками.

Люди редко заходили в лес. Собирали грибы и ягоды по окраинам да на старых вырубках, вязали хворост, торопясь уйти из леса до темноты. Дурной славой был славен лес, и лишь изредка залетали в него шальные охоты на пенных конях, со звонкими рогами. Возвращались иной раз с богатой добычей, и тогда долгими зимними вечерами, переиначивая и добавляя для красоты, вспоминали и смаковали охотничьи подвиги, а то и терялись в лесных глубинках и окраинах, и тогда даже на погребальный костер нечего было положить неутешным родичам.

К людям, так походившим на нее, Врану не тянуло. Ей казалось, что она все знает про них. Иногда она выходила на окраину леса, к деревьям, и наблюдала за людьми. Они целыми днями копались на своих клочках земли, ухаживали за скотиной, возились во дворах. Изредка собирались на улицах, пели, плясали, водили хороводы.

– Скучно у них, – думала Врана и только тоскливые, протяжные девичьи песни чем-то тревожили ее.

Как-то ранней осенью шли большие дожди и небывалый осенний паводок размыл-затопил прибрежную нору, укрывшуюся под корнями могучей старой ивы. Четверо большелобых сосунков-волчат жили в ней. Прислушиваясь к гулу дождя, они поднимали мягкие еще, бархатные уши и со страхом смотрели на воду, медленно, но неотвратимо вползавшую в их убе-

жище. Загремел гром, полыхнула молния, завизжали от страха волчата, рванулись к выходу. Закружила, понесла их взбесившаяся река, заглушила их крики.

А далеко от реки, задыхаясь, сбивая лапы, бросив на бегу зайца-добычу, тенью неслась по грозовому лесу почуявшая беду мать-волчица. Тяжело поводя боками, клацая пастью взлетела на последний пригорок. И сразу же поняла: опоздала. Внизу кружил, ломал попавшие в него стволы и сучья мутный, безжалостный ко всему живому поток. Мать-волчица подняла к небу мокрую от дождя и слез морду и завывала, вторя реву ветра и шуму воды. И, уносимые течением, слышали ее плач два еще оставшихся в живых волчонка и ответили ей отчаянным, но никому уже не слышным визгом...

Врана сидела на берегу взбесившейся реки и кидала голыши в проплывавшие мимо бревна. Вдруг над водой показалась и снова скрылась чья-то голова. Не раздумывая, девушка выдрой скользнула в воду. Увертываясь от бревен и коряг, подплыла к тому месту, где видела звереныша, нырнула не закрывая глаз, подхватила холодный, обмякший комок...

Вернувшись домой, она обтерла волчонка тряпьем, насильно напоила горячим молоком и уложила на обрывок волчьей шкуры, поближе к очагу. Лишь после этого стащила мокрую рубаху и принялась сушить волосы.

– Что это ты еще за дрянь приволокла? – заворчала старая ведьма.

– Это мой волк, – ответила Врана, расчесывая волосы костяным гребнем.

– Хороший товарищ для тебя, – усмехнулась ведьма и больше ни о чем не расспрашивала девушку.

Белую оленуху изгнали из стада, когда она была совсем еще маленькой. Врана видела в этом не жестокость, а лишь справедливость.

– Тебя видно ночью, как огонь костра, – говорила девушка, лаская тощие бока белого оленка. – Твои сородичи не хотели рисковать жизнью других оленят и принесли тебя в жертву. Ты не должна гневаться на них.

Олененок слушал, прядая ушами и жадно подбирая губами куски ржаной лепешки, которую девушка крошила на ладонь.

Гораздо быстрее, чем подрастают и мужают человеческие дети, Белая Оленуха и Волк выросли в сильных и красивых зверей и повсюду ходили за Враной. Девушка разговаривала с ними и была уверена в том, что они понимают ее.

– Мы разные обликом, но одинаковые душой, – говорила она Ручейнику и Онеше, которые побаивались зубов Волка и копыт Оленухи. – Все мы дети этого леса.

Звуки рожков, крики людей, лай собак – все говорило о том, что в лес пришла большая охота. Волк ушел заблаговременно (иногда Вране казалось, что он чует охоты раньше, чем они начинаются). Девушка уже собралась было последовать его примеру, как вдруг до ее слуха донесся тревожный, призывный крик Белой Оленухи. Закрывая глаза от хлещущих по лицу ветвей, Врана побежала. И успела как раз вовремя. Ломая кусты, на поляну выскочила Белая Оленуха. В боку ее торчал обломок стрелы, на белоснежной шерсти расплывалось алое пятно.

«Рана не опасная, но бежать Оленуха не сможет,» – это Врана поняла сразу.

– Иди в кусты, – сказала девушка и осторожно подтолкнула дрожащего крупной дрожью зверя. – Ляг там и лежи тихо. Я все улажу.

Треск сучьев, храп коней. Лица задних всадников не видны, впереди один – с черной бородой, в красном кафтане, в длинных сапогах из мягкой кожи.

«Кажется, это – князь,» – вспомнила Врана рассказы старой ведьмы.

– Смотрите-ка – чудо! Белый олень обернулся девкой-чернавкой! – услышала девушка, но говорившего не увидела. Впилась взглядом в вспыхнувшие темным огнем глаза князя и в первый раз пожалела, что толком так и не научилась волхвовать.

– Кто ты? – красные губы князя шевелятся, а глаза разгораются, словно угли в очаге. – Из какой деревни?

– Я из лесу! – твердо говорит Врана. Может быть, все еще обойдется? Они поймут, что здесь нет оленя, а есть только девушка, и уйдут...

– Ха-ха-ха! – смеется князь. Зубы у него большие и белые.

«Как у Волка,» – думает девушка.

– Из леса она! Слыхали?! Эй, чернавка, я беру тебя с собой. Будешь жить на моем подворье. Янша, возьми ее к себе в седло!

– Я останусь здесь. А вы... вы уходите отсюда!

– Что?! Перечить?! – в углах тонких князьевых губ вскипает слюна. – Взять ее!

«Взять – меня? Ну нет!»

В голове у Враны вспыхнуло пламя. Виски пронзила дикая боль. Чтобы удержаться на ногах, девушка выбросила вперед обе руки. Руки стали проводником желания и приказа, и сразу полегчало.

– Уходите! Уходите!! Уходите!!! – беззвучно повторяет она.

Вот уже заплясали, закосили глазами кони. Вот уже кто-то повернул назад. Еще, еще немного!

– Ведьма! – крик пронзительный, истошный, совсем не мужской. Разве с ними были женщины?

Кони понесли. С конями справиться легче, чем со всадниками. Князь оборачивается, грозит:

– Ты еще заплатишься за это! Клянусь!

– Ха-ха-ха! – несется ему вслед.

Врана хохотала долго, с облегчением, сквозь брызнувшие слезы, уперев руки в бока. Потом вытащила обломок стрелы из шкуры Белой Оленухи, развела костер, приготовила отвар из сушильного корня, промыла рану. Все это делала словно во сне. С трудом добрела до знакомого валуна, упала на мох, под каменный козырек, и заснула, словно умерла, без снов, без движений. Рядом, чутко вздрагивая от каждого звука, дремала Белая Оленуха.

В глухой чаще, где корни сплелись как змеи в смертельной схватке, а свет солнца никогда, даже в самый светлый полдень не достигал земли, нашел Врану лесовичок Онеша. Девушка сидела в развилке замшелого орешника и костяным гребнем расчесывала густые, струящиеся по плечам волосы.

– А, мохнатый пришел! – обрадовалась она, увидев Онешу. Потом выдернула из пряди застрявший там репейник и кинула его в лесовика, приглашая поиграть.

– Погоди баловать! – отмахнулся Онеша сухонькой лапкой. – Человек в лесу, у Ручейника в лошине.

– Подумаешь, человек! – фыркнула Врана. – Мне-то что за дело? Много их сюда ходит, отвадить бы... – она встала в развилке во весь рост и выгнулась дугой, запрокинув голову назад и касаясь распущенными волосами босых ног.

– Стреляный он, кровью истекает, – с досадой сказал Онеша. – Помрет скоро.

– Стреляный? – удивилась Врана. – А как же он в лес-то попал? В деревню надо было...

– Видать, нельзя ему в деревню, – вздохнул Онеша.

– С каких это пор?! – Врана уперла руки в бока и расхохоталась. – С каких это пор человеку нельзя в деревню, а в лес можно!

– Эх ты! – поморщился Онеша. – Волос долог, а ум короткий. Ничего-то ты не знаешь...

– А чего ж ты тогда за мной в глухомань приперся, а? – лукаво спросила Врана, и сразу же нахмурилась, свела в линию густые черные брови. – Ладно языком балакать, пошли!

Девушка бесшумно спрыгнула на землю и зашагала сквозь бурелом так легко, словно перед ней лежала ровная лесная дорога. Онеша семенил сзади, тяжело вздыхал, шевелил черными губами и нервно почесывал мохнатую грудь молочно-голубыми коготками.

Человек лежал навзничь на берегу ручья. Старичок Ручейник, склонившись над ним, обмакивал в ручей кленовый лист и брызгал ему в лицо холодной водой.

– Без памяти уже. Кончается, – вздохнул он, заметив Врану с Онешей.

Девушка склонилась над раненым. Белое, без кровинки лицо, русая прядь прилипла ко лбу, ворот рубахи разорван. На рубахе – кровь, алая, в тон тесьме на вороте.

– Человек! – задумчиво сказала Врана, разглядывая твердую складку у посеребривших губ, темные, чуть подрагивающие ресницы со светлыми кончиками. Печальный, полупрозрачный Ручейник и сгорбленный Онеша снизу вверх с надеждой смотрели на девушку.

– Эх, нечисть лесная, уроды лохматые! – сказала Врана. – Не положено ведь вам добрыми-то быть!

– Не положено! – вздохнул Ручейник.

– А что поделать? – развел лапки Онеша.

Девушка опустила на колени рядом с лежащим человеком, взялась за надорванный ворот и решительно рванула вниз, раскрывая грудь. Несколько мгновений расширившимися глазами смотрела на три глубокие раны, две на груди, одна пониже, на животе.

– Кто стрелу вытащил?

– Он сам, наверное. Иначе ползти бы не смог...

Девушка протянула руки. Человек дернулся и коротко застонал.

– За метелью весна, за березой – сосна, за лесом река, за рекой – облака, за смертью жизнь, вернись – торопись, стань кровью густой, как травы весной, как ветер в полях, как луна в облаках, как пчелы в дупле, как зерна в земле...

Онеша с Ручейником внимательно прислушивались к бормотанию Враны и со страхом глядели на ее закрытые глаза, под веками которых ошалело металась глазные яблоки, на скрюченные дрожащие пальцы.

Кровь из ран текла все медленнее и, наконец, перестала течь совсем. Лицо лежащего человека постепенно розовело. Врана открыла глаза и деловито вытерла об траву испачканные в крови пальцы.

– Кукушкина льна соберите! – приказала она лешему. – А ты, Ручейник, подумай, куда мы его теперь денем-то? К нам, сам понимаешь, нельзя, вмиг сгубят, здесь бросить – тоже пропадет...

– Избушка, однако, есть, – сказал вернувшийся с охапкой мха Онеша. – Развалюшка, конечно, но крыша-стены стоят. Очаг есть.

– Далеко? – спросила Врана.

– Да нет, не шибко. Однако... – Онеша с сомнением взглянул на рослого парня, распростертого у его ног.

– Ничего, авось дотащим! – усмехнулась Врана. – А ну, берись за ноги, нечисть лесная!

В покосившейся замшелой избе Врана набросала на сырой топчан еловых веток, скинула плащ, оставшись в одной рубахе, и, уложив вместе с Онешей раненого, подложила ему под голову охапку слежавшегося, гниловато-теплого сена. Потом согнала с потолка нетопырей, расчистила очаг, вымела ольховым веником пол, развела огонь и подвесила на огромный крюк почерневший, ошетилившийся синеватой окалиной котел с ключевой водой. Онеша с Ручейником принесли по охапке кукушкина льна и куда-то исчезли.

Врана разорвала остатки рубахи незнакомца на длинные льняные полосы, и хотела уже приступить к промыванию ран и перевязке, когда он открыл синие, как осеннее небо глаза. Землистое лицо его сразу осветилось, а губы скривились от боли. Потом раненный пересилил себя и улыбнулся. Заглянул в сверкающие черным огнем очи Враны и тихо спросил:

– Кто ты?

И вдруг, впервые в жизни, дочь ведьмы смутилась и опустила пылающие глаза.

«Что сказать ему? – подумала она. – Что ответить? Кто я?»

Не найдя ответа, спросила сама:

– Кто ранил тебя? Если бы Ручейник не нашел тебя, Онеша не позвал меня, а я не оставила бы кровь, ты бы уже умер там, у лесного ручья. Как это получилось?

– Меня ранили люди князя. Хотели убить. Ты спасла меня. Почему? Кто это – Ручейник? Я шел по лесу, потом полз, потом ничего не помню... Где я? – раненный осторожно, почти не поворачивая головы, огляделся. – Погоня нашла меня? Это поруб? Княжье подворье? Но почему меня не убили? И – кто ты? Дворовая девушка? Но ты слишком красива. Наложница князя? Но твои рубаха... Тебя тоже наказали? Почему ты молчишь?

– Я не знаю, что говорить. Я тебя почти не понимаю. Ты в избушке в лесу, недалеко от того ручья, где упал без памяти. Ручейник – это ручейник, а меня зовут Враной. Я живу вдали от людей, хоть и похожа на человека.

– Я – враг князя. Укрывая меня, ты подвергаешь опасности себя и тех, с кем ты живешь...

– Я лесной житель, но с князем у меня тоже есть свои счеты...

– Спасибо тебе, Врана. Я не хочу знать твои секреты, равно как и отягощать тебя своими... Что ты будешь делать теперь?

– Вообще-то я собиралась почистить и перевязать твои раны, – проворчала девушка. – Но тут ты пришел в себя... Делать это все равно надо, иначе может начать гнить, и я, пожалуй, опять тебя усыплю. Тебе не будет больно, да и мне спокойнее...

– Ты можешь усыпить меня, сделать так, чтобы я не чувствовал боли? – с интересом спросил незнакомец.

– Конечно, могу, – равнодушно подтвердила Врана, раскладывая льняные полосы и кукушкин лен на деревянном подносе. – Я же наполовину ведьма. Человеческим лекарям было бы не под силу остановить кровь из твоих ран, а настоящая ведьма никогда не стала бы пользоваться человека, так что тебе вдвойне повезло, что Онеша позвал именно меня...

– Ты – ведьма?! – раненный не сразу поверил своим ушам и потому отреагировал весьма замедленно.

– Да, наполовину. Ты боишься меня? – Врана усмехнулась, вспомнив князя и его людей.

– Боюсь? Нет, конечно. Ты держала мою жизнь в своих руках и вернула ее мне... Но я всегда думал, что ведьмы... что они уродливы, а ты – самая прекрасная девушка из всех, кого я когда-либо видел. Поверь, повидал я немало...

– Я – самая прекрасная девушка? – недоверчиво переспросила Врана, на мгновение оторвавшись от своего занятия. Но тут же усмехнулась краем темно-алых губ. – А ведьмы, значит, уродливы? Жаль, не видал ты мою маменьку. Она бы не обманула твоих ожиданий... Ну ладно, хватит болтать, надо дело делать... – девушка склонилась над раненым, быстрыми пальцами еще раз пробежалась по краям ран.

И вдруг заметила, что на щеках незнакомца расцвели жаркие пятна румянца.

– Что, уже в жар кинуло? – встревожилась Врана. – Рановато вроде. Лихорадка еще и угнездиться не успела...

– Да нет, другое, – раненный досадливо помотал головой, но объяснять что-либо отказался.

– Ну, как знаешь, – Врана пожала плечами. – Давай тогда спать. Утро вечера мудренее – так, кажется, люди говорят? У нас-то, у нечисти, все как раз наоборот будет...

– Ты не нечисть... – прошептал незнакомец. – Ты самая прекрасная...

Есть много разных способов усыпить человека. Встречаются промеж них и такие, которые вовсе не требуют никаких прикосновений. Но дочь хромой ведьмы почему-то вдруг низко склонилась над раненым незнакомцем, вдохнула теплый запах его слипшихся от пота волос,

и осторожно коснулась сомкнутыми губами сначала левого, а потом правого века. Синие глаза закрылись, дрогнули длинные ресницы, а пересохшие, потрескавшиеся губы прошептали:

– Милая ты моя ведьма...

* * *

– Милая ты моя ведьма, – Олег коснулся горячими губами моих век, потянулся, сунул босую ступню прямо в пламя костра и тут же отдернул ее. – А что было дальше?.. Подожди, давай я угадаю. Они поженились и жили долго и счастливо... Нет, так неинтересно. Или он умер от заражения крови? Опять нет. Вот – придумал! Он свергнул нехорошего князя и сам сел на его место. А она сначала жила с ним гражданским браком и была при нем чем-то вроде личного астролога, но потом из политических соображений он должен был жениться на заморской княжне, а она не захотела с этим мириться и ушла обратно в лес, а он никак не мог ее забыть, стал пить и куролесить, бил жену, нарожал несколько слабоумных детей, а потом...

– Олежка, я тебя убью!

– Убей меня, убей меня, Белка! Я с радостью приму смерть от твоих рук! Только сначала исполни мое последнее желание... Вот так, вот так... И еще вот так!

– Олежка, прекрати!

– Не прекращу! Никогда не прекращу! Да ты и сама не против... исполнить... мое... последнее... желание... Ведь... правда?..

– Правда, Олежка, правда...

Сырые березовые дрова отчаянно «стреляли», и целые созвездия искр уносились мимо черных еловых силуэтов в темно-синее небо. Под растянутым между двумя елями тентом было тепло, дымно и невероятно уютно. Я подложила себе под голову рюкзак, а умиротворенный Олежка снова разлегся поперек, ногами к костру, положив голову мне на живот.

– Нет, Белка, я серьезно – у тебя здорово получается. Может быть, тебе не на биологический надо было идти, а на филологический... или где там на писателей учат?

– Писатель – это состояние души. Этому нигде не учат.

– Брось, где-то точно учат. Я слышал. Вот, я вспомнил, так оно и называется: Литературный Институт... Ну, может, это не у нас, может в Москве где-то...

– Ничего, сойдет и так. Науку, хоть биологию, хоть историю – ее ведь тоже, в сущности, придумывают...

– Не ври, Белка. Историю придумывают только недобросовестные историки. Добросовестные ее изучают, воссоздают...

– Ерунда, нет никакой объективной истории. И не было никогда. Вот одно и то же сражение – взгляд генерала, взгляд солдата, взгляд местного жителя... Где же твое объективное сражение находится?

– Нужно синтезировать...

– А как это, интересно, ты можешь синтезировать две абсолютно противоположные истины? Эта битва – прорыв в будущее, гигантская победа... Эта же битва – боль, грязь, позор, горе и поражение...

– Но это уже не объективные факты, а разные оценки...

– А как отделить факты от оценок, если мы судим об истории, опираясь на мнения современников? Ведь любая фреска из жизни богов – это уже оценка... Да даже если бы это и было возможно, кому нужна эта самая история без оценок?!

– Послушай, Белка, ты все путаешь...

– Послушай, Олежка, а ты знаешь, что я... что я не предохраняюсь?

– При чем тут это?!.. О, ч-черт... Прости! Я не умею так быстро переключаться... Давай... Ну давай, я буду...

– Я не хочу, так неинтересно...

– Так как же тогда? Я не понимаю... Чего ты хочешь?

– Я и сама не знаю... А что ты сделаешь, если я...

– Женюсь на тебе. Ты родишь мне дочку, такую же красавицу и умницу, как ты сама...

– Я не красавица и не умница, и ты сам прекрасно это знаешь. Даже у нас на курсе полно девчонок куда умнее и красивее меня...

– Белка, мне плевать на всех остальных девчонок, и ты сама прекрасно это знаешь... Так вот, значит, ты родишь мне дочку, я буду гладить пеленки и заводиться оттого, что мне надо пойти в библиотеку, а ты будешь ходить в таком заляпанном халате (я помню, как ходила моя старшая сестра) и в ночной рубашке, чтобы легко было достать грудь и покормить маленького... И еще ты будешь злиться на меня, что я тебе мало помогаю, а у тебя совершенно нет свободного времени, чтобы поболтать с приятельницами. А сначала ты станешь похожа на такого большого круглого медвежонка... Во-от такого...

– Олечка, прекрати! Вытащи это! Оно холодное! И руки убери! Если дело не касается истории, то с тобой совершенно невозможно серьезно поговорить...

– Ну, такой уж я есть. Во мне совершенно нет романтики, я все вижу в сугубо прагматическом свете. Но может быть, именно поэтому из меня получится хороший историк. Тот самый, который будет не придумывать историю, а изучать ее... По крайней мере, я на это надеюсь... Как ты думаешь – получится?

– Конечно, получится. И насчет романтики ты совершенно не прав. Ты очень романтичный...

– Конечно, конечно. Я ж-жутко романтичный. И сейчас я расскажу тебе свою историко-романтическую историю. Только можно я твой свитер вот так подниму? И голову положу прямо сюда?

– Это еще зачем?! Мне так слушать неудобно.

– Зато мне рассказывать удобно. Не понимаешь? Во мне же романтичности мало, следовательно, я должен ее откуда-то брать, то есть из чего-то трансформировать. А из чего мне ее еще в таком положении трансформировать, как не из сексуальной энергии? Называется – сублимация. Ты вообще-то Фрейда читала?

– Откуда же мне его читать? Он же у нас вроде запрещенный.

– А мне приятель давал в самопальном переводе. Занятный мужик Фрейд. Правда, честно скажу, кроме самого этого факта, я мало что понял. Так что не расстраивайся... Помнишь, ты мне рассказывала про полоцкого князя Всеслава, про которого еще в «Слове о полку Игореве» сказано... Помнишь? Так вот как оно было на самом деле...

* * *

– Хруст веток спугнул Белку посреди самого что ни на есть интимного занятия. Она только-только собралась облегчиться, подняла на руку тяжелый подол, и хотела уже присесть, как вдруг...

– Кого там леший несет?! – чуть слышно прошептала Белка, отпустив подол, метнувшись в сторону и чуть не опрокинув ногой корзину, уже наполовину полную душистой, хотя и тронутой червяками и мучной росой малиной. – «И не надо было одной по ягоды идти! Купилась, дура, на маменькину жадность!» – выругала она себя.

Малина нынче выдалась крупная, ядреная, гнула в лощинах кусты и осыпалась в мох маленькими кровавыми гроздьями. Все девки отсобирались еще седмицу назад, снесли положенный урок на княжье подворье, насушили ягод в исподе печи, натомили с медом. Теперь ягода хоть и красива по прежнему, но уже отходит, подмочена дождями, в сушку не идет. Белка ходила со всеми, два раза приносила полный, не считая утряски, кузов. Но матери все мало –

«а что, дочка, есть ли еще ягода-то в лошине у Голубого ключа... Всю ли девки собрали?...» Не надо было поддаваться, или хоть Лёну хорошеньше поугаваривать, зазвать с собой... Вдвоем все же сподручней... «Бережливость девку красит»... А вот сейчас как изведет лихо-лихое, так и красить будет некого...

Идет как будто тихо, шагов не слышать, только ветка случайная хрустнула. А теперь и вовсе будто затаился... Ка-ак скакнет сейчас! Кто скакнет-то? Люди городские, особенно мужики, по лесу куда громше ходят. Может, охотник мерянский? Или зверь лесной?

Зверей Белка не боялась. Да и чего их пугаться на исходе лета? Зверь летом сытый, тихий, людей за корм не держит, да у Белки-то и зла к ним никакого нет. А звери это всегда чувствуют – оружейный человек или безоружный, со злом или с добром в лес пришел. Да зверь и сам первый с дороги свернет, чтоб с человеком не встретиться... Вот и теперь, ушел вроде... Должно быть, лесной хозяин был, малиной лакомился... Напугал, косолапый, помешал дело исполнить... Ну да ладно, слава богам, что так все обошлось. Лихой-то человек любого зверя страшнее, и что зимой, что летом... Вон там под рябинкой вроде место удобное...

– Ой, лихо-лишенько!!

– Тихо ты, девка! Чего орешь-то? Кикимору, что ль, увидала? Вроде и рогов на мне нет, и шерсти...

Прямо за облюбованной рябинкой, в укромном распадке стоял высокий, кареглазый... тоже прячется, что ли? От кого же? От нее, от Белки?.. С чего бы это? Карие глаза, волосы не с рыжиной, а с краснотой даже, цвета зимнего боярышника... вроде из кривичей, но что-то такое в лице, в высоких скулах жесткое, чужое, как у пришлецов-варягов... и лицо-то вроде знакомое... И взгляд этот вприщур... Мать Лада! Откуда ж здесь-то?! Один, без близких!! И в таких обносах, в каких и псаре по подворью не ходит... Ох, лихо-лишенько!

– Пойду я, добрый человек... Малинки вот набрала, и пойду... – неуклюже присев, не то подобрав корзину, не то поклонившись, Белка попятилась, на ощупь хватаясь за кусты, и не замечая, как колючки вонзаются в ладони.

Подальше, подальше от чужих тайн! Пока не приметил, не запомнил...

– Постой! Чего побелела-то? Неужто я тебе таким страшным кажусь? Или уже обижал кто? – незнакомец нахмурился. – Чего ж тогда одна, без подружек в лес-то поперлась?

– Признала я тебя, княже, – низко опустив голову, прошептала Белка.

– А-а! Так вот дело-то в чем! – серьезно сказал незнакомец. – А откуда ж ты князя так накоротке ведаешь, что его во мне признала? Встречают ведь по одежде, князя наособицу, а на мне порты-то вовсе не княжеские, а если поглядеть, так и другие отличия найдутся...

– А я не на одежду, я на лицо смотрю, – чуть осмелела Белка. Приглядевшись, заметила, что и вправду – и волосы у незнакомца, перетянутые сзади в жгут, куда длиннее, чем у молодого князя, да и лицо как бы чуть посуше...

«Не князь! – облегченно вздохнула Белка. – Похож просто. И сам про то знает, потому и усмехается в усы. А усы-то еще толком и не выросли...» – И хотя какая-то тревога еще оставалась, заговорила свободнее.

– А князя Всеслава я не раз и не два на подворье видала. Один раз он даже со мной разговор разговаривал, красавицей назвал и грибы мои в лукошке похвалил. Тут-то я тебя... то есть его, и вовсе хорошо разглядела. Матушка моя по белому льняному шитью мастерица, так ее-то и вовсе к старой княгине в покои приглашали узор разъяснить. Княгинины швейки у нее учились. А я и с матушкой ходила и... по всякому девичьему делу...

– Зазноба, что ли, у тебя среди княжских людей? – понимающе ухмыльнулся незнакомец.

– Вот еще! Только мне и делов! – фыркнула Белка, вспомнив наставления матери. Род незнакомцев неясен, но порядочная девка на выданье должна уметь себя перед каждым поставить. – До парней бегать! Пусть они сами до меня добиваются! А я девушка серьезная, сижу у маменьки с папенькой в светлице, кудель пряду, да шитье лажу, да по хозяйству кручусь...

– Да погоди ты себя хвалить! – откровенно развеселился незнакомец. – Я ж к тебе сватов не засылаю!

– А и нужны мне твои сваты! – тут же, уловив насмешку, вспылила Белка. – Да мой батюшка твоих сватов и на двор не пустил бы! Вот еще – старшую да любимую дочь за какого-то оборванца лесного отдавать!

– Ох, и лиха ты, девка! – покачал головой незнакомец. – То князем величаешь, то оборванцем лесным...

– А ты не дразнись! – отступила Белка. Батюшка, когда в настроении был, звал свою старшенькую (и вправду больше остальных любимую) дочь Вьюжкой, в рассуждении того, что понесет, закружит, завоюет, и тут же – отпустит, развеется, заблестит на солнышке, ровно и не было ничего.

– Да ладно, не буду я к тебе свататься... А то, что высоко себя ставишь и в обиду не даешь – так оно и правильно. Видно, и вправду любит, да бережет тебя отец... Только как же одну-то в лес пустил?

– Да то маменька все, – капризно скривилась Белка и тут же доверчиво продолжала. – Я уж ей два полных короба принесла, а ей все мало. Сходи, да сходи... А Лёна, подружка, как раз вчерась белье полоскала, на мостках поскользнулась, да спину надорвала...

– Бедняга! – посочувствовал незнакомец. – Ну ничего, Лада милостива, отлежится... Собачьим салом полезно растереть. И еще, если синяки есть, то шалфея заварить, и где болит – прикладывать...

– А ты что – ворожейка, что ли? – с нескрываемым изумлением спросила Белка.

Чтобы мужчина, да в травознайстве советы давал... Воинские раны – то да, в этом каждый парень себя знатоком мнит, а вот чтобы подружке болящей...

– А не то, мать у тебя – лекарка, травознайка... Правильно сгадала? – Белка радостно улыбнулась своей смысленности. Точно ведь – живут в лесу мать с сыном. Она травы собирает, настои варит, болящих пользует, а он при ней вырос и всякую премудрость лекарскую поневоле превзошел...

– Нет у меня родичей никого, – грустно взглянул на Белку незнакомец. – Воспитанник я.

– Чей воспитанник? – хотела было спросить Белка, но не спросила, осадила на полном скаку девичье любопытство, потому что почуяла – этого ей знать не следовало. И тут же вспомнила о другом. – Я, пожалуй, домой пойду. Одни мы тут, мне с тобой и разговоры разговаривать не след, и батюшка меня за то заругал бы, а то и за косы оттаскал...

– Да непохожа ты что-то на деву-паю-паиньку, – резонно заметил парень. – И о долге своем девичьем, да и о батюшке только ко времени вспоминаешь. А я ж тебе зарок дал – сватов слать не буду, так что можешь говорить спокойно... вот как с Лёной-подружкой...

– С тобой... как с подружкой?! – опешила Белка. Нет, парень явно не был обычным... Да что там – странный, очень странный парень повстречался ей в лесу! И на князя-то молодого как похож! Просто до жути похож! Ой, лихо-лишенько!

* * *

– Я поняла, я поняла! Значит, по-твоему выходит, что один из близнецов – князь Всеслав – вырос в тереме, а другой – у чародейки. Так?... Ну и кому из нас надо было стать писателем?

– Тебе, моя Белка, конечно, тебе! А я буду всю жизнь изучать историю... и тебя... Вот так... Я тебя всю хочу изучить...

– Оле-ежка...

* * *

Когда мы с Олегом вошли во двор, уже начинало темнеть. В чахлом палисаднике, среди пыльных и обломанных детворой кустов сирени стояла обшарпанная скамейка, которую обычно красили весной, во время ленинского субботника, но в этом году почему-то забыли. На краешке скамейки, сдвинув колени, обтянутые коричневой шерстяной юбкой, сидела пожилая женщина со строгим темным лицом. На ее коленях покоилась черная сумка из кожзамени-теля с потрескавшимися ручками. Из сумки выглядывала дрожащая большеглазая собачонка с мохнатыми ушами. Женщина смотрела прямо перед собой и иногда рассеянно поглаживала собачонку. Мы с Олегом проследовали через палисадник к моей парадной.

– Знаешь, у нее такой вид, – прошептала я. – Как будто ее забыла здесь пролетавшая мимо летающая тарелка.

– Какая тарелка?! – Олежкины брови состроились удивленным домиком. Потом он обернулся, внимательно поглядел на женщину и кивнул. – Да. Она совершенно чужая. Наверное, надо спросить, не нужно ли ей чем-нибудь помочь... Может быть, она захлопнула дверь, или дома что-то случилось или еще что-нибудь в этом роде...

– Да ты что?! Чем ты ей поможешь? – в свою очередь изумилась я. – Я ведь просто так сказала. Забавно они выглядят. А так – она вроде бы живет вон в той парадной. Я собачонку видела...

Не слушая меня, Олег направился к скамейке.

– Здравствуйте. Может быть, мы можем что-то сделать для вас?

Странно, но удивление на лице пожилой женщины так и не возникло. Похоже, что она восприняла обращение Олега чуть ли не как должное.

– Спасибо вам, молодой человек. У нас все в относительном порядке. Мы с Чарли просто гуляем. Видите ли, все дело в том, что Чарли ужасно труслив, и на улице не хочет никуда от меня отходить. Все время просится на руки. Но ведь нельзя целый день сидеть в квартире...

– Я понял. В таком случае – удачной прогулки, – серьезно сказал Олег, наклонился и хотел потрепать пушистые ушки собачонки. Чарли оскалился и попытался тяпнуть протянутые пальцы.

Женщина укоризненно покачала головой.

– Трусость не способствует развитию хорошего характера... – сказала она. – Но вам это не грозит. Вы отважный юноша. И вы и ваша избранница – удивительно красивая пара. Дай вам Бог сберечь то, что у вас есть. Еще раз благодарю.

Олег щелкнул каблуками резиновых кедов и наклонил голову, как делал какой-то артист в фильме про белогвардейцев. Получилось очень смешно. Но ни женщина, ни сам Олег, по моему, этого не заметили.

– Слышала, Белка, мы с тобой – очень красивая пара! – сказал мне Олег на лестнице, пристраивая на перилах рюкзак и сгребая меня в охапку.

– Это ты красивый, а я – так себе! – уворачиваясь от поцелуев, я нагло напрашивалась на комплименты.

– Ты самая красивая, самая родная, самая лучшая, – послушно пробормотал Олег, ловя мои ускользающие губы. – Я тебя люблю! Ты – моя женщина!

– Я – твоя женщина?! – удивленно вывернулась я.

– Конечно, – уверенно проговорил Олег, серьезно глядя мне прямо в глаза. – Единственная. Самая лучшая женщина на свете.

– А ты ночевать останешься? Завтра вместе пойдем к первой паре. А то я без тебя опять просплю...

– Ага! Твоя мама опять положит меня на раскладушке в кухне, и я буду всю ночь сходить с ума. Там же все тобой пахнет...

– А я к тебе приду...

– Ага, а ты слышала, как скрипит эта чертова раскладушка?!

– Ну, можно же с нее слезть. Там же в кухне еще мебель есть... А еще можно, как будто бы я пошла в ванну, а ты захотел в туалет, а потом нечаянно ошибся дверью...

– Белка, ну не дразнись...

– А ты останешься?

– После того, что ты мне наобещала?! Конечно, останусь...

Глава 5. Дети Перуна (Анжелика Андреевна, 1996 год)

– Анджа, вы опять куда-то уходите! – в странно-синих глазах Вадима плавали айсберги заинтересованности. Мне вдруг отчего-то сделалось не по себе.

– Простите...

– Пустое! – он поморщился и махнул рукой, как герой экранизации русской классики. – Так что же там с этими Всеславами? Вы остановились на том, что едва ли не всю жизнь собирали о нем сведения...

– Не только о нем, вообще о Полоцком княжестве. Начиная с Рогнеды и Владимира (наверное, даже вы слышали что-нибудь про эту историю)...

– Да, помню. Владимир сватался к ней, но он был незаконнорожденный сын Святослава, и гордая полоцкая княжна Рогнеда отказала ему, не желая «разуть сына рабыни». Потом Владимир захватил Полоцк, перерезал всю ее родню и насильно взял ее за себя. Она родила ему сына... Все-таки какие были страсти! И... это, наверное, удивительно интересно и приятно, иметь такое хобби...

– Когда как... – я покачала головой.

– Да неужели? Где же обратная сторона медали?

Он все еще виделся искренне заинтересованным и я, неожиданно для самой себя, рассказала ему о «Детях Перуна».

Мне самой все это казалось совершенно безобидным взлетом романтизма стареющей учительки. Учительница истории устроила в школе клуб любителей истории – что может быть естественней? И почему бы, собственно, ему не называться «Дети Перуна»? Мои девятиклассники тогда как раз проходили историю Древней Руси, сами это название предложили, и я, конечно, согласилась. Вася Мальцев, школьный художник, наделал из дерева каких-то болванчиков, они их покрасили золотой и серебряной краской, носили на шнурочках. Как-то там друг друга по-особому приветствовали. Соревнования какие-то во время выездов устраивали. Что-то вроде черниговской школы рукопашного боя. Они мне объясняли и даже какие-то картинки показывали, но я так толком и не поняла. Но сама все это своими глазами видела. Ничего страшного. Юные такие мальчики, обнаженные до пояса, красивые, чистые (во всех смыслах, потому что по их правилам до боя и после него обязательно надо мыться в проточной воде), мутузят друг друга на полянке. Все по честному, никаких жестокостей. Кто кого победил, тот и молодец. Потом все вместе песни поют, хороводы водят. Ничего плохого, на мой взгляд. Надо же ребятам куда-то свою агрессивность девать, ну и перед девчонками выпендриться тоже – не последнее дело. Мне все это само по себе было очень мило (вроде бы как вторую молодость в лесу у костра проживаю), опять же, дети книжки исторические читают, рефераты пишут, мышление у них развивается, умение видеть историческую перспективу, собственный взгляд на сегодняшние наши события. Четверо «трудных» подростков, сноровисто сосватанные моей подруженькой Ленкой, у меня там ошивались. Никаких особых педагогических побед в этом, конечно, не было, и Макаренко я себя не воображала, но все же правилам нашим они подчинялись, вели себя прилично и даже иногда какую-то вполне разумную инициативу проявляли. Однако, зоркие глаза школьного педколлектива что-то в этом такое углядели. Особенно меня поразила завуч.

– От ваших «Детей Перуна» недалеко и до национал-фашизма! – заявила она мне. Сначала я просто обомлела. Потом пришла в себя.

– А что, – говорю. – «внучата Ильича» лучше были? Так вы лично в них без малого тридцать лет всех без остановки принимали, и ничего... А теперь изучение детьми истории собственной страны – уже национал-фашизм? Не слишком ли лихо перестроились?!

Ну и началось. Даже попа какого-то на меня напускали. Он мне лихо пытался объяснить, что история Руси конгруэнтна истории восточной ветви христианства Византийского толка. Я попа выслушала, потихоньку скрипя зубами, но «Детей Перуна» в «детей Христа» или там «внуков Девы Марии» переделывать отказалась наотрез.

Учителя – люди в целом инфантильные, и потому по-молодому страстные. В школе чуть ли не целая война разгорелась из-за моего клуба. Одни за меня, другие – против. Дети у нас нынче демократического толка и воспитания – митинги там всякие устраивали, лозунги вешали – в мою, естественно, поддержку. Пару раз уроки сорвали. Причем особенно усердствовали, конечно, те, кому только дай погорланить, а на историю им плевать с высокого небоскреба. На педсоветах три раза вопрос ставили. Я всем все рассказывала, ничего ни от кого не скрывала, предлагала всем посмотреть. Мои подруги-единомышленницы с нами на выезды ездили не раз, а те, что «держат и не пушать», ни разу не изволили, конечно. «Сам я книгу не читал, но категорически против...» Литераторша наша старейшая, заслуженная учительница РСФСР, внимательно меня выслушала и руками всплеснула:

– Что ж вы, милочка, делаете-то? Куда ваше педагогическое чутье-то подевалось? Они же у вас там, распалившись, да через костер напрыгавшись, да нагишом накупавшись, да после песен и былин ваших... чем же, вы думаете, занимаются?! Там же лес кругом!

Я сказала, что совершенно не понимаю, почему заниматься этим в лесу хуже, чем в подвалах, на чердаках и подъездах. Наоборот, красота тех же песен и народных обрядов настраивает мою вполне сексуально грамотную молодежь на более возвышенный лад, придает глубину и объем их первым подростковым чувствам. Литераторша сокрушенно покачала седой головой и удалилась. А на ближайшем педсовете заявила, что в доброе старое время на партсобрании непременно поставили бы вопрос о моем собственном нравственном облике, потому что, если я так спокойно говорю о том, чем занимаются в лесу мои подростки помимо всяческих исторических бдений...(тут она кокетливо потупила взгляд), то совершенно неизвестно, чем я сама там занимаюсь и что, в конце концов, с этого имею...

– Как вам не стыдно! – с места закричала Регина. – Анжелика Андреевна отдаст этим детям все свое свободное время! А вы!...

Регину поддержали многие другие, и инцидент вроде бы был замят.

Но мне все это уже надоело хуже горькой редьки.

Активисты мои школу закончили, ушли кто в спецшколы, кто в техникумы, кто в училища. Устроили мы прощальный костер со всеми прибабасами, а на сем и сказке конец. Только на душе такая муть осталась, будто бы предала что-то...или кого-то... Должно быть, себя – кого ж еще?

– Вы, Анджа, – романтик, – сказал Вадим таким тоном, будто ставил диагноз тяжелой и неизлечимой болезни. – Причем, насколько я понял, совершенно неисправимый.

– Ну, все мы родом из Крапивинской «Эспады», – усмехнулась я. – В той или иной степени...

– Я родом откуда-то из другого места, – возразил Вадим.

– Да, наверное, вы были тогда уже слишком взрослым и не читали пионерских журналов...

– Я их вообще никогда не читал...

– Только не говорите мне, что были диссидентом с пеленок и учились читать по книгам Солженицына...

– Хорошо, я не буду вам об этом говорить. А скажите, ведь, будучи романтиком, вам, наверное, нелегко сегодня преподавать историю, когда ее то и дело перекраивают, стремятся всех и все развенчать...

– Да, нелегко... Вы помните, Чехов писал о рабе, которого нужно выдавливать из себя по капле? Наверное, для его времени это было чрезвычайно актуально, ведь еще жили люди, прекрасно помнившие крепостное право... А вот изволите ли сейчас, сегодня, по капле выдавливать из себя такого буйнопомешанного горьковского буревестника?.. Тоже весьма непростая задача, поверьте...

– Но, Анджа, зачем же выдавливать? – снисходительно улыбнулся Вадим. Открывшаяся структура моей души (так, как она ему представлялась) явно забавляла его. – Будьте самой собой. И наплевать, что будут думать или говорить окружающие...

– Во-первых, на окружающих тоже никто наплевать не может. Тот, кто так думает или говорит, либо дурак, либо лицемер, либо дает совет кому-то другому. В вашем случае, конечно, – третье. А во-вторых, речь идет не столько об окружающих, сколько обо мне самой. Вы встречали романтических теток под сорок? Зрелище в лучшем случае смешное, в худшем – жалкое. А учителя изначально – группа риска. Избави меня, Господи! Над этим и работаем.

– Что вы говорите, Анджа! Какие ваши годы! – как-то слишком искренне воскликнул Вадим.

– Женщины умнеют быстрее, – усмехнулась я. – Поэтому и живут дольше. Радость и восторг нашего мира принадлежат молодым, Вадим, и все это знают. Потому что только в молодости творческая радость свершений не замутнена ни страхом, ни оглядкой на благополучие, ни даже инстинктом самосохранения. Кто может – совершает тогда. А потом либо разрабатывает открытые месторождения, либо тихо угасает, либо делает вид, что управляет не принадлежащим ему миром. Делает вид, понимаете? Впрочем, у мужчин власть (а чаще иллюзия власти) – это игрушка на все жизненные периоды. Женская же власть, как правило, кончается вместе с молодостью. Хотя у женщин тоже есть свои игрушки и иллюзии...

– Бросьте, Анджа, именно с возрастом приходит настоящая мудрость, настоящий вкус к жизни...

– Бросьте, Вадим, – в тон ему отозвалась я. – Это всего лишь одна из социальных легенд. Мудрость старости... Много ли вы видали по настоящему мудрых стариков? Немного, не правда ли? Большинство – в старческом маразме. А мудрых зрелых людей встречали? – Вадим кивнул. – А я, поверьте, встречала мудрых детей. Мудрость – функция, практически не зависящая от возраста. Ее приписали старости, отчасти опираясь на формальную логику (накопление опыта), отчасти на гуманизм, а отчасти на элементарный страх, так как любой здравомыслящий человек понимает, что когда-то он тоже состарится и ему надо будет на что-то опереться...

– Анджа, вы сейчас произносите горькие и в чем-то даже страшные вещи, – серьезно сказал Вадим. – Мне кажется, что это в вас говорит ваш страх... или ваша обида. Кто вас обидел? Чего вы боитесь? – он взял мои руки в свои и серьезно смотрел на меня чуть потемневшими синими глазами. Его правое запястье пересекал тонкий белый шрам, похожий на незамкнутый браслет. Жест был весьма решительным, киношным и романтическим, но в результате роза вместе с ее нешуточными шипами оказалась где-то в районе Вадимова виска и запуталась в его темных волосах. Вадим мужественно игнорировал создавшуюся ситуацию.

– Вадим, я боюсь, что сейчас она расцарапает вам все ухо, и на концерте вам придется, как раненному герою, сидеть, прижимая к виску носовой платок.

– У меня нет носового платка, – сказал Вадим и выпустил мои руки.

– Мне пришлось бы одолжить вам свой. Получилось бы еще романтичней.

– Попробуем? – с улыбкой предложил Вадим и снова протянул руки.

– Не стоит! – кокетливо увернулась я и тут же нахмурилась, осознав дебилость ситуации и диалога.

– Ну вот, опять, – огорченно вздохнул Вадим. – Анджа, что я должен сделать, чтобы вы перестали постоянно думать об адекватности вашего поведения возрасту и социальному положению?

От точности формулировки у меня защипало в носу. Не хватало только еще разреветься. Словно со стороны я увидела замечательную картину: темнеющие аллеи осеннего сада, склонившиеся над дорожками, отяжелевшие от недавнего дождя кроны, кучи опавших листьев и Вадим, растерянно утешающий зареванную учительницу... Господи, какой маразм! И что подумает Вадим? Вот уж влип-то! Откуда ему знать, что вообще-то я совершенно не склонна к истерикам? Экзальтированная учительница-истеричка – нормальный литературный и кинематографический персонаж. Вот, собственно, и все, что он может подумать.

– Давайте платок! – сказал Вадим, безжалостно прервав мою рефлексию.

– Платок? Что? Зачем? – растерялась я.

– Эта дрянь все-таки меня достала, – улыбнулся Вадим, показывая измазанные кровью пальцы. Приглядевшись, я заметила короткую, но, по-видимому, глубокую царапину у него на виске.

– Но...но у меня тоже нет платка... – растерянно пробормотала я.

– Ну вот, а обещали-то, – Вадим укоризненно покачал головой, но глаза его смеялись, и я это видела.

– А эта дрянь, как вы изволили выразиться, между прочим, вам же казалась похожей на меня, – съязвила я и, не обращая внимание на смущение Вадима, добавила. – Как же мы в сложившихся обстоятельствах будем останавливать кровь, текущую из ваших ран?

– Очень просто, – Вадим нагнулся, поднял желтый кленовый лист и приложил его к виску.

– Но он же грязный! – запротестовала я, не осознаваемо идентифицируя взрослого мужчину с одним из поцарапавшихся оборотов-восьмиклассников.

– Может быть, в луже помыть? – серьезно предложил Вадим.

Мы вместе рассмеялись, а потом я почему-то протянула ладонь и прижала нагретый лист к виску Вадима. Вадим опустил руки и взгляд и стоял передо мной, словно провинившийся школьник. Отступившие было слезы снова защекотали глаза.

– Мы сами... а может быть, старый сад всколыхнул в нас обоих что-то, что обычно мы держим спрятанным глубоко внутри... – медленно, не поднимая глаз, сказал Вадим, буквально и жутковато повторяя мои недавние мысли. – Теперь нам обоим от этого неловко. Я напрасно ёрничал и... прошу вас простить меня...

– Бросьте, Вадим! – решительно беря себя в руки, сказала я. – Держите ваш осенний платок, и постарайтесь не слишком вертеть головой. Нам уже пора на концерт. Надеюсь, пока дойдем, кровь остановится.

В старых аллеях уже сгустилась темнота, и я не могла рассмотреть выражения лица Вадима, но ясно услышала облегченный вздох.

Во время концерта и после него мы непринужденно обсуждали музыку и исполнение, сразу сойдясь на том, что, в сущности, мы оба ничего в этом не понимаем. То напряжение, которое возникло в саду, не возвращалось больше ни разу. Я заметила, что Вадим, ничего прямо не скрывая, все-таки избегает разговоров о себе, о конкретных поворотах своей судьбы. Наделенная здоровым женским любопытством, после четырех часов непрерывного общения, я знала о нем только то, что на сегодняшний день он работает в какой-то маловразумительной фирме, разведен с женой и имеет взрослого сына. Но все это ничуть не ослабило ощущения доверия, отчего-то возникшего между нами после «садового кризиса». Вадим продолжал расспрашивать меня о Полоцком княжестве, о том, как поживает мое увлечение сейчас. Я призналась, что после истории с «Детьми Перуна» как-то забросила все это, и папки с собранными материалами, которые мы с ребятами всю использовали в наших лесных бдениях и играх, недвижно лежат в шкафу в моем кабинете и давно покрылись толстым слоем пыли. Может

быть, просто окончательно повзрослела? Или состарилась? После последнего утверждения я сделала кокетливую паузу и подождала, пока Вадим меня опровергнет. Он опять сыграл с безупречностью экранного героя. А я не удержалась и похвасталась тем, что ролевые этнографические игры из истории Всеслава и Полоцкого княжества мы с ребятами придумали задолго до отечественных толкиенистов. Вадим задумался, что-то просчитал в уме, а потом согласился со мной и восхитился.

* * *

– Я еще позвоню?

– Конечно, звоните! – с несколько наигранным энтузиазмом воскликнула я и только тут заметила, что мы уже пришли, и из гостеприимно распахнутой парадной вырываются клубы пара – наконец-то включили отопление и, разумеется, тут же где-то прорвало трубу.

– Может быть, зайдём?.. Чаю?.. – нерешительно предложила я и сама почувствовала, что на мой вопрос совершенно невозможно ответить утвердительно.

– Нет, спасибо, может быть, в другой раз. Благодарю за прекрасный вечер, – адекватно среагировал Вадим и медленно поднес мою руку к губам. Губы у него были сухие, жесткие и холодные. Странное сочетание для губ.

– Передавайте привет дочери.

– Спасибо. До свидания, – машинально откликнулась я. Интересно, если бы Антонины не было дома, он бы согласился подняться? И как бы я в этом случае его приглашала? Также или по-другому?

Я стояла в освещенной раме подъезда, а мимо ног стекали на холодный асфальт клубы пара. Вадим сунул руки в карманы плаща, поднял плечи и пошел прочь, как любили уходить герои кинофильмов 70х. Отойдя на несколько шагов, обернулся. Его неправдоподобные глаза светились желтым огнем, как у охотничьей собаки.

– В этой рамке и с этим паром вы похожи на эстрадную певицу, – негромко заметил он и усмехнулся. – Певица вышла на сцену и позабыла слова песни, которую собиралась петь...

В его словах вроде бы не было ничего обидного, но сердце вдруг метнулось так, как будто мне отвесили пощечину. Прежде, чем я собралась с мыслями, Вадим растворился в темноте осеннего вечера. Так тоже любили и до сих пор любят поступать кинематографические герои. Все в этой истории было ненастоящим, бутафорским, вторичным. Ненастоящим, да! – твердо сказала я самой себе. И не стоит больше об этом думать. Но он сам обещал позвонить...

Да и встреча с ним опять и неспроста всколыхнула столько воспоминаний... «Дети Перуна», полная тайн история Полоцкого княжества в моих вроде бы давно позабытых папках, загадочный колдун князь Всеслав, сравнительно недавно исчезнувший крест Ефросинии Полоцкой...

Глава 6. Беломорский Маугли (Анжелика Андреевна, 1993 г)

– В общем-то Иван и сам всегда наособицу жил. И он, и жена его Мария, и дети – никогда в разговорчивых не ходили. Изба с краю, лес рядом, море у порога, да и к ним в душу никто не лез – не принято у нас это. В школу Кешку не посылал, помню, учительница до них приходила. Иван, вроде, ей сказал, что грамоте сам Кешку обучит, а дальше, как Бог велит. Верующий был Иван. Но не по-людски, чудно как-то. По-лесному, можно сказать. В церковь ходил редко, но Бога поминал чуть не при каждом слове. И Мария тоже. Про детей – не знаю. Ольга, сестра Кешкина, лет на пять его помладше была. Кешка при отце всегда, Ольга – при матери, с ребятами деревенскими я их и не припомню. Может, правда, смотрел плохо – да и на что мне?

Сначала-то никто и не прознал, что пропали они. В избушку лесную на три, на пять ден ходили – обычно. После уж бабы спохватились – чего это из Морозовых никого не видать? Стали искать. Лодку их у Морошых скал прибило, Игнат Кривой нашел. Тут все и догадались, что как три дня назад шторм был, так и застал их за мысом. Они, видать, на Боршавец за ягодами ездили... Нашли только Ивана. Приливом побило, однако, по одеже узнали – точно. И татуировка у него на груди чудная была – крест огромный, шестиконечный, и как будто бы камешками украшенный. Вот такой. Кто видел – вспомнил...

Карачаров машинально нарисовал карандашом на газете рисунок.

Анжелика Андреевна удивленно округлила глаза.

– Именно такой крест? Вы ничего не путаете, Карачаров? Это... этого просто не может быть...

– Брешет он, – сказал Малахов. – Цену себе набивает...

– Но откуда тогда он может знать...?

– Собаки брешут, – с достоинством откликнулся Карачаров и, не обращая более внимания на тяжело задумавшегося Малахова и притихшую Анжелику Андреевну, продолжал рассказ, который все биологи слушали с неослабевающим интересом.

– Думали сперва – все потонули. Потом сказал кто-то: Кешку видал, вокруг дома ходит. Решили сначала: марь, глаза застит. Да и на дом – Олешиха с семьей губу к тому времени раскатали – у Ивана ведь наследников, кроме детей, никого, никто и слыхом не слыхал, из каких они с Марьей краев до нас добирались... Бабы подманить Кешку пытались, выпросить, еду носили. Но он, вроде, умом тронулся, мычал только, кто подойдет – убежал. Лет восемь ему тогда сравнялось. Фельдшер из амбулатории приходил, хотел забрать его – да разве ж его поймашь... Потом как-то раз ночью забрался он-таки в дом, вещи какие-то узлом сложил, и пропал.

Думали, навсегда, ан нет, объявился вскоре в зимней Ивановой избушке. И пес их дворовый, Полкан, с ним убежал. Стали они там жить. Как подойдет кто к избушке, так Полкан их за версту чует и Кешку, видать, предупреждает. Котелок на столе, угли в печке, а Кешки и Полкана и след в лесу простыл. Как уйдут гости, Полкан, опять же, знает. Кешка домой ворочается. Так и жили. Кешка силки ставил, капканы от Ивана остались, рыболовная снасть всякая, Кешка сызмальства к этому делу талант имел. Все по хозяйству в избушке было. Охотники наши, как мимо идут, от баб своих гостинчик всегда оставляют: соль там, сахар, крупа. Бабы Кешку жалеют, ребенок ведь, а живет, как зверь лесной. Самого-то его редко кто когда видит, прячется он не хуже соболя. Однако, следы, да и в избушке обжито – жив, значит. Да и вы вот теперь говорите...

– Господи, да как же это! – эмоциональная лаборантка Наташа всплеснула узкими ладонями и закатила выпуклые, как у годовалой телушки глаза. – Он же совсем одичал уже. Почему же никто ничего не делает?!

– Дак кому ж делать-то? – рассудительно возразил Карачаров. – Родственников нет, милиции несподручно за мальчишкой по лесам бегать, а окромя – кому ж?

– Но ведь так тоже нельзя! – казалось, Наташа сейчас заплачет от горя и обиды. – Он же человек, ребенок...

Карачаров не счел нужным ответить на столь явно пустопорожнее заявление, и в разговор вступила Анжелика Андреевна:

– Кроме чисто человеческих мотивов, можно предположить, что этот случай безумно интересен, просто уникален с научной точки зрения... Для психологии, во всяком случае. Какие функции сохранились, какие атрофировались... Как сформировано мышление, память...

– Вот вы, ученые, и займитесь, – живо отреагировал Карачаров. – Забирайте его с собой и изучайте на здоровье.

– Гм-м... Осталось уговорить принцессу, – усмехнулся Карпов. – Сколько лет он уже... м-м-м... предоставлен сам себе?

– Да лет пять уж назад Анна-то с Иваном потонули... Да, не меньше... Ну может, четыре с половиной...

– Да... Значит, сейчас ему лет 12-13... И что же – все это время он ни с кем не общался?

– С псом своим, Полканом... Первое-то время он, вроде, не в себе был. Потом, надо думать, оклемался. Иначе не выжил бы.

– И что же – пес и сейчас с ним?

– Тут вот такая история, – Карачаров свел вместе квадратные ладони и потер их одна об другую. Раздался такой звук, как будто лист фанеры тащили по песку. – Пес-то с ним в зимовье жил – я говорил уже. Однажды заявились туда двое наших охотников, приняли как следует и заночевали. Кешка-то, как у него водится, хоронился где-то, а Полкан кругом бродил – следил, значит, когда они из избушки-то уберутся. И уж кто его теперь знает, как там у них вышло, то ли лаял он, то ли дверь скреб (холода-то тогда немалые стояли), но только один из этих горе-охотников высунул ствол, да и пристрелил Полкана...

– Господи! – всхлипнула Наташа. Карачаров взглянул на нее так, как люди города смотрят на слабоумных, а жители среднерусских деревень – на овец, и продолжал:

– Второй-то еще выскочил, проверил: дохлый пес, как есть дохлый – без обмана. Он, второй-то, против был – чтоб стрелять. Знали все – мальчишкина собака, одна радость его. Ну, да водка еще не то делала...

А дальше, значит, так. Проспались они, возвратились в поселок, рассказали про свои подвиги. Бабы им только что вслед не плевали, да и сами не рады уж...

Ну так что... Пошли в лес снова. И что же вы думаете? Упала лесина поперек тропы и аккуратно тому охотнику спину переломила, который Полкана-то пристрелил. Сама ли упала, наострил ли кто – про то никто не ведает. Второй-то тащил его на волокуше почитай весь день, но приволок-то мертвого уже. В амбулатории сказали: «перелом основания». Такие дела.

– Так вы думаете, это ваш... м-м-м... Маугли расстарался? – спросил Карпов, задумчиво пожевывая сивые, не слишком опрятные усы.

– Не скажу, не знаю, – Карачаров вновь развел сведенные ладони. Тяжелое лицо его выражало смесь лукавства и недоумения. – А только вот что чудно – с лета, что за той зимой пришло, видали Кешку (издаля, правда) опять с собакой...

– Так вы же говорили, что охотники проверяли...

– Проверяли, проверяли! Промысловик даже по пьяни живого пса с мертвым не спускает...

– Так как же тогда?

– Я сам-то не видал, а кто видел, говорит: может стать, и не собака это вовсе...

* * *

Время максимального отлива минуло с полчаса назад, и хотя прилив еще не начался, студенты под скалой на литорали заметно торопились. Разгребая сапогами бурные пучки фукусов, приподняв над водой пластмассовые ведра, они вглядывались в светло-бежевые гроздья воздушных пузырьков-камер, позволяющих листьям фукусов всегда держаться на поверхности. Среди пузырьков обитали розоватые колонии кишечнopolостных – объект студенческих поисков. Назывались кишечнopolостные по-латыни, но если произносить по-русски, получалось смешно – «Клава».

Антонина сидела наверху, на скале и наблюдала за студентами. Сидеть на нагретом за день и подсохшем мхе было тепло и хрустко. Маленькие, меньше миллиметра, огненно-красные паучки стремительно и беспорядочно сновали по камню у ног девочки. Антонина задумалась о том, как же быстро должны двигаться их крошечные ножки, но, как ни старалась, никаких ножек разглядеть не смогла – слишком маленькими были паучки. – «Зафиксировать – и под микроскоп, – подражая Анжелике Андреевне, подумала Антонина и тут же чихнула от набившихся в нос лишайниковых спор (чтобы лучше рассмотреть паучков, девочка легла на живот). – А впрочем, пускай бегают. Жалко.» – последняя мысль была уже собственно Антониной.

Оторвав взгляд от паучков, девочка подняла голову и, вскрикнув от неожиданности, ткнулась носом и лбом в колючие кукиши высохших лишайников. Потом, быстро оттолкнувшись руками, села, не раскрывая глаз, и лишь потом решила снова посмотреть. Не померещилось. Шагах в пяти от нее, не касаясь спиной замшелого валуна, но опираясь на него босой ступней согнутой ноги стоял... мальчик? – да, мальчик! – так решила Антонина.

Ростом гораздо выше Антонины, костлявый и невероятно худой, в какой-то видимости одежды, которую девочка, поколебавшись, определила как набедренную повязку, он выглядел не испуганным, но настороженным. Страх Антонины тоже отступил. Поза мальчика явно не была угрожающей, к тому же внизу были студенты и Анжелика Андреевна, стоило только крикнуть...

Стоило только крикнуть и странный мальчик исчезнет также быстро и неожиданно, как появился – в этом Антонина отчего-то не сомневалась.

Полина сидела, мальчик стоял, в этом было что-то неправильное. Поколебавшись, девочка медленно встала. Мальчик качнулся назад. Испугавшись, что он сейчас уйдет, Антонина, не думая, выбросила вперед открытые ладони в древнейшем жесте – «Я безоружен». Мальчик понял, и, встав на обе ноги, тоже протянул ладони вперед. – «Может быть, он все-таки снежный человек? – металась мысль Антонины. – Хотя нет, у него кожа грязная, но без волос, и одежда... Он не снежный, он просто человек.»

– Кто ты? – вслух спросила она.

Мальчик помотал лохматой головой, словно показывая, что услышал, но ничего не ответил. – Я – Антонина, – призвав на помощь книжный приключенческо-фантастический опыт, сказала девочка и прижала к груди раскрытую ладонь.

Мальчик шевельнул губами, словно хотел что-то сказать, но не произнес ни звука.

– Там, внизу, – для верности Антонина показала пальцем. – Студенты. Собирают материал. Мы приплыли на лодке. – В этом месте Антонина изобразила, как будто гребет. – Мы живем на биологической базе, на Среднем острове. Я там живу с мамой. Моя мама учит студентов. – Мальчик слушал внимательно, Полина готова была говорить еще, но вдруг он сжал кулаки и хрипло, механически произнес: «ма-ма» – при этом лицо его перекосилось, брови

поехали вверх, нос сморщился, а губы широко разошлись, обнажая большие желтоватые зубы. Полине, которая наблюдала за всем этим, отчего-то стало почти больно где-то посередине груди. Ей вдруг захотелось подойти к мальчику, которому она едва достала бы до плеча, и погладить его спутанные русые волосы. Сама Полина очень удивилась этому своему желанию. Ребенок из семьи биолога, ко всем живым существам она относилась не по возрасту рационально. Даже щенки и котята не вызывали у нее обычного для девочек ее возраста умиления. И она не могла припомнить, чтобы ей когда-нибудь хотелось чего-нибудь такого...

По всему выходило, что теперь надо было бы позвать Анжелику Андреевну. Или хотя бы кого-нибудь из студентов. Но Антонина отчего-то была уверена: сделай она это и странный мальчик опять убежит, исчезнет, как исчез тогда, на скалах.

Не опуская раскрытых ладоней, Антонина продолжала говорить. Медленно и вятно. Объяснила, где живут биологи. Как их найти (в этом месте мальчик как будто бы улыбнулся). Как и чем занимаются. Немного рассказала о себе. Учится в школе. Закончила шестой класс. Живет в городе Ленинграде, на улице Чайковского, с мамой и бабушкой. Любит вязать крючком и читать книги, в основном – фантастику (мальчик слушал внимательно, но, кажется, ничего не понял).

– Ты – кто? – опять спросила девочка и для верности указала пальцем.

Мальчик помотал лохматой головой, как будто ответил: не знаю!

– А я – знаю! – с оттенком торжества сказала Антонина. – Нам Карачаров из Керести все про тебя рассказал. Тебя зовут Иннокентий.

Мальчик весь, целиком превратился в большой знак вопроса. Нахмурился.

– Ну, можно, наверное, звать тебя Кешкой, – попыталась объяснить Полина. – Или Кеном. Как мужа Барби. Это такая кукла.

– Кукла, – вдруг совершенно отчетливо сказал мальчик и сделал вполне недвусмысленное движение: как будто бы кого-то укачивает.

Он знает, что такое кукла! – обрадовалась Полина. Вряд ли она была у него самого, но, может быть, у сестры...

Девочка опустила занемевшие кисти и перевела дух, с проснувшимся воодушевлением готовясь к дальнейшим переговорам. В этот момент внизу, у ног детей что-то зашуршало и послышались сдержанные чертыханья. Кто-то из студентов лез наверх и волок за собой ведро.

Мальчик оглянулся и переступил с ноги на ногу, явно собираясь исчезнуть.

– Ты еще придешь? – спросила Антонина.

Большие серые глаза и обметанные губы довольно явственно изобразили встречный вопрос.

– Антонина?

– Да, я хочу, чтобы ты пришел, – твердо ответила Антонина. – Я тебя не боюсь.

Глава 7. Удивительное – рядом (Анджа, 1996 год)

Сначала я ее просто не узнала. Таращилась некоторое время на миловидную, высокую, сексапильную, как теперь говорят, девушку, и соображала, за кого она пришла агитировать (что, в общем-то, странно, потому что вроде бы и выборов никаких нет, да и агитаторы обычно – мордастые тетки или гонористые, но потертые мужички, а чтоб вот такие крали по квартирам ходили...).

– Что ж вы, Анжелика Андреевна, не спросив, дверь открываете? – по-голливудски улыбнулась девушка, сообразив, что я не знаю, кто она, и почему-то страшно довольная этим фактом. – Знаете же, какая сейчас криминальная обстановка. А вдруг я наводчица?! – она дурашливо вытаращила глаза и выпятила губы, сделавшись похожей на добродушную лягушку, и именно в этот миг я вспомнила...

– Женья! – ахнула я. – Женья Сайко! Как же ты, девочка, похорошела!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.